

Образ усадьбы в фотографиях и воспоминаниях графов Шереметевых

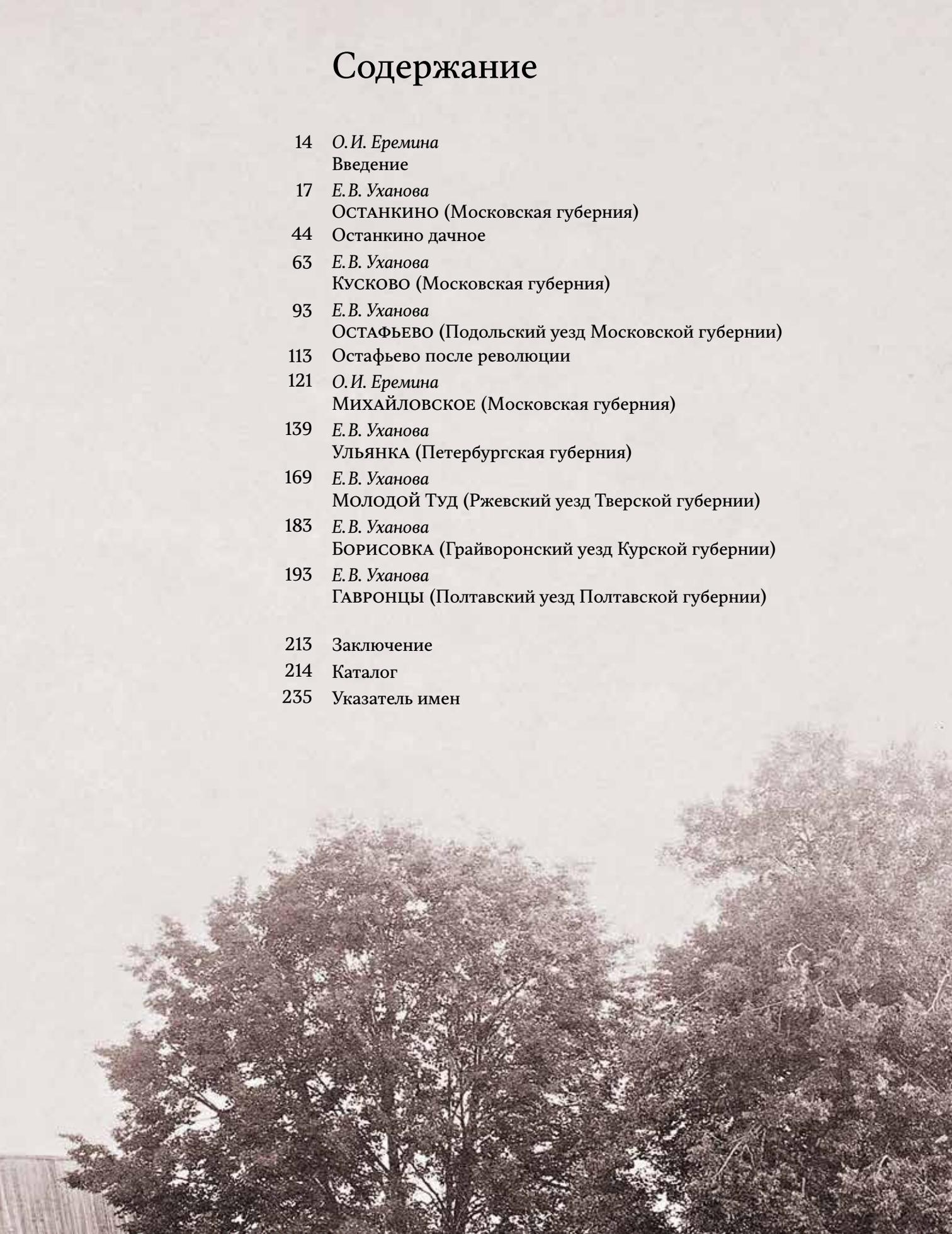
В собрании
музея-усадьбы Останкино

Авторы-составители
Е. В. Уханова,
О. И. Еремина

Содержание

- 14 *О.И. Еремина*
Введение
- 17 *Е.В. Уханова*
ОСТАНКИНО (Московская губерния)
- 44 Останкино дачное
- 63 *Е.В. Уханова*
КУСКОВО (Московская губерния)
- 93 *Е.В. Уханова*
ОСТАФЬЕВО (Подольский уезд Московской губернии)
- 113 Остафьево после революции
- 121 *О.И. Еремина*
МИХАЙЛОВСКОЕ (Московская губерния)
- 139 *Е.В. Уханова*
УЛЬЯНКА (Петербургская губерния)
- 169 *Е.В. Уханова*
МОЛОДОЙ ТУД (Ржевский уезд Тверской губернии)
- 183 *Е.В. Уханова*
БОРИСОВКА (Грайворонский уезд Курской губернии)
- 193 *Е.В. Уханова*
ГАВРОНЦЫ (Полтавский уезд Полтавской губернии)
- 213 Заключение
- 214 Каталог
- 235 Указатель имен

Владельцы усадеб графы Шереметевы

И. П. АРГУНОВ
*Граф Петр Борисович
Шереметев*
(1713–1788)

1760
КАТ. 2

Н. И. АРГУНОВ
*Граф
Николай Петрович
Шереметев*
(1751–1809)

1801–1803
КАТ. 3

*Граф
Дмитрий Николаевич
Шереметев*
(1803–1871)

Около 1870
КАТ. 4

И. М. ПОНОМАРЕВ
*Граф
Сергей Дмитриевич
Шереметев*
(1844–1918)

Конец 1890-х
КАТ. 5

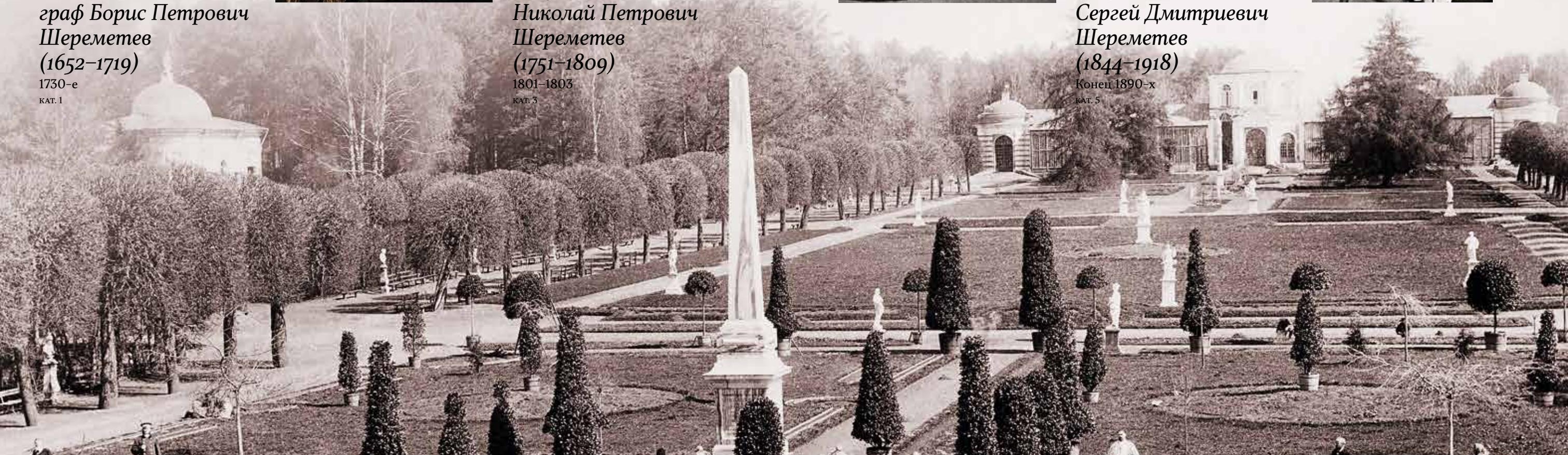
*Граф
Александр
Дмитриевич
Шереметев*
(1859–1931)

1970 (?). Копия 1881 года
КАТ. 6

Неизвестный художник
*Фельдмаршал
граф Борис Петрович
Шереметев*
(1652–1719)

1730-е
КАТ. 1

Введение

Русская усадьба — феномен нашей истории и культуры. В ней синтезировались традиции семьи и рода, культура дворянская и крестьянская, культура города и провинции, России и Запада. В формировании усадебного мира тесно переплелись экономические законы, социальная динамика общества, стиль жизни и художественные течения. Это целый мир, причем мир цельный, самодостаточный. Усадьба представляла собой маленькое государство, в котором было все необходимое: территория и границы, реки, леса, поля и пашни, население, власть, экономика и культура.

Время расцвета русской усадьбы сравнительно недолго и приходится на конец XVIII — начало XIX века, после чего наступает спад и в усадебном хозяйстве, и в отношении, и в функциональном наполнении. Изменения эти были восприняты в начале XX века как упадок, разложение усадебной культуры и усадебного мира. Действительно, вторая половина XIX — начало XX века — период сложный и неоднозначный в истории усадьбы. В результате реформ 1861 года, отмены крепостного права и неуклонной капитализации сельского хозяйства были подорваны экономические основы усадебного бытия, изменилось отношение к усадьбе и к жизни в ней. Но вместе с тем именно в это время усадьба приобретает совершенно иное качество — архитектурная среда отступает на второй план, а природа, искусство, общение единомышленников, жизненный строй и духовная атмосфера сливаются в некое единое целое. При этом немало поместий сохраняют свое экономическое, и духовно-мемориальное значение. Более того, многие владельцы сознательно стараются сохранить сложившийся усадебный мир. Именно в этот период особенно остро осознается «бытийность», вневременность усадьбы, ее функция сопряжения, соединения в себе прошлого и будущего. Многие усадьбы становятся музеями или же воспринимаются как музеи — хранилища исторической памяти и традиций рода. Несмотря на смену стилей и вкусов, сохраняется традиционный характер усадебного мира — сформировавшийся еще в эпоху классицизма архитектурный облик усадьбы, образ жизни, усадебный быт.

Усадебный быт — это непосредственное порождение и воплощение жизни дворянского сословия, уникальная летопись, содержащая сведения, не прочитываемые порой по другим материалам. Особенно интересно проследить особенности усадебного быта, усадебной жизни, запечатленные в фотографии.

Вторая половина XIX века отмечена масштабными переменами не только в усадебной жизни России, но и экономической, социокультурной и научной сферах. Неведомые прежде, совершенно новые возможности запечатлеть моменты своей жизни, сохранить их на долгое время и передать следующим поколениям появились с изобретением фотографии³.

Удивительный мир усадебного бытия открывается благодаря фотографиям усадеб Шереметевых. Сохранившиеся снимки второй половины XIX — начала XX века, как любительские, так и сделанные известными профессиональными фотографами, дают представление о картине повседневной жизни, о праздниках в усадьбах, демонстрируют их специфику и особенности.

Шереметевы на протяжении веков являлись одними из крупнейших землевладельцев России. Ко второй половине XIX века их владения занимали огромную площадь (по разным оценкам, около 470 000 десятин) в нескольких губер-

³ История фотографии в России начинается с 1839 года, однако именно ко второй половине XIX века относится стремительное распространение и развитие нового вида искусства.

ниях: Московской, Санкт-Петербургской, Саратовской, Ярославской, Курской, Ростовской, Владимирской, Белгородской, Орловской, Тульской, Лифляндской, Рязанской, Тверской, Тифлисской. Вплоть до начала XX века приобретались новые усадьбы.

В фондах музея-усадьбы Останкино сохранились фотографии, позволяющие увидеть некоторые усадьбы, принадлежавшие семье графов Шереметевых: Останкино, Кусково, Остафьево, Михайловское (Московской губернии), Серебряные пруды (Тульской губернии), Ульянка (Санкт-Петербургской губернии), Молодой Туд (Тверской губернии), Борисовка, (Курской губернии), Баланда (Саратовской губернии), Гавронцы (Полтавской губернии), Высокое (Смоленской губернии).

Каждая усадьба, являясь семейным гнездом, развитым хозяйством, тем не менее имела свою специализацию.

Подмосковные Кусково, Останкино, Остафьево и Михайловское стали хранилищами семейной памяти, музеями. Кусково, как и прежде, оставалось местом проведения семейных праздников и торжеств. Дворец в Останкине с конца XIX века был открыт для посещения как художественный музей (о чем свидетельствуют книги посетителей). Собрание в Остафьево носило литературно-мемориальный характер, в Михайловском был создан естественно-научный музей. На жизнь в Ульянке накладывала отпечаток близость столицы — Санкт-Петербурга. Баланда к концу XIX века становится главной «охотничьей» усадьбой, Борисовка хранит память о Борисе Петровиче Шереметеве и Петре Великом, а Гавронцы являют собой пример образцового сельского хозяйства и «дачной» жизни.

Фотографии запечатлели усадебную повседневность, те маленькие происшествия и «мимолетности», которые рисуют историю общества. Сохранившаяся на снимках культура повседневности шереметевских усадеб помогает представить многообразие усадебной жизни, выявить не только различия, но и сходные черты, проследить все перемены, происходящие в усадьбе в это сложное время.

Самые важные перемены, на которых основывалось благосостояние владельцев, — экономические. После отмены крепостного права и потери владельцами части земель и даровой рабочей силы особенно остро встала проблема рационального ведения хозяйства. Времена изменились, во второй половине XIX века Обломовы, как правило, были обречены на разорение. Большинство владельцев крупных процветающих усадеб этого времени — Штольцы, понимающие необходимость следить за ведением хозяйства в имении, вникать в проблемы, держать в своих руках бразды правления. День в усадьбах Шереметевых был наполнен разнообразными делами и заботами и отличался от обычного дня помещика XVIII века, писавшего: «Что может быть успокоительнее и питательнее, как восемь раз покушать и три раза в сутки соснуть!»⁴

Шереметевы вынуждены были в новых условиях иными способами налаживать экономическую основу усадеб, по-новому выстраивать отношения с бывшими крепостными, которых сменили наемные служащие, рабочие и крестьяне-арендаторы. В их хозяйствах стали использоваться новейшие агрономические средства, машины, излишки продуктов поступали в продажу.

Несмотря на нововведения в различных сторонах быта, в родовых поместьях в значительной степени сохранялись патриархальные черты, практически не изменился с прежних времен бытовой уклад — распорядок дня, традиционные визиты соседей, унаследованные из XVIII века усадебные развлечения и занятия. На освященных традициями усадебной территории с воспринятыми новациями второй по-

⁴ Цит. по: Князьков С. А. Быт дворянской Москвы конца XVIII — начала XIX вв. // Москва в ее прошлом и настоящем. М., 1911. Вып. 8.

ловины XIX века менталитет владельцев и их близких претерпевает определенные метаморфозы. Еще более, чем в конце XVIII века, усадьба становится синонимом личной свободы, миром частного человека, где сбрасывается «гнет» городской жизни, службы и этикета. Шереметевы в усадьбах широко пользуются возможностью для реализации своих разнообразных увлечений.

Хорошо видно на снимках и отношение владельцев к своим усадьбам, повлиявшее на формирование культуры повседневности, восприятие их как хранилищ семейной памяти, родовых корней. У Шереметевых отчетливо проявляется своего рода «музейное видение» — происходит осознание историко-культурной значимости усадеб в силу их мемориальных, художественных или природно-ландшафтных особенностей, а создающиеся в это время в них музеи формируются по разработанным учеными методикам.

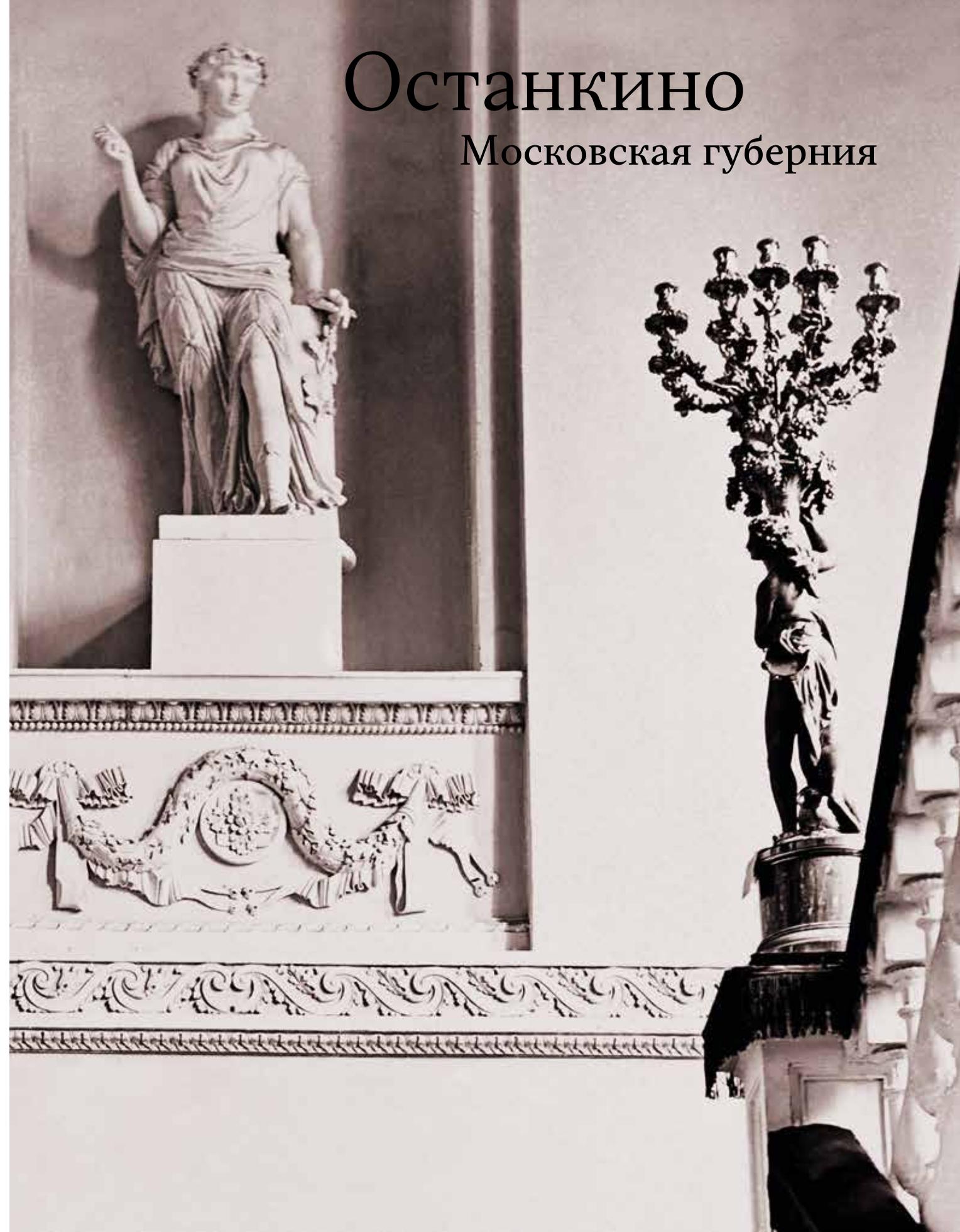
Создание музеев в усадьбах — не редкость во второй половине XIX — начале XX века. Художественные коллекции и различные собрания размещались в усадьбах и ранее, но именно в послереформенный период многие владельцы поместий начинают осознавать значение своего имени как достопримечательности — в силу ли его исторического прошлого, художественно-архитектурных достоинств или живописной природы и уникальной фауны. Организация усадебных музеев шла в ногу со временем. Непрерывно нараставший интерес к собственной истории, развивающимся естественным наукам, архитектуре и искусству привел не только к увеличению числа музеев — исторических, художественных и естественных — и к большему распространению частного коллекционирования предметов искусства и старины, но и к выработке особенного, «музейного» видения, восприятия явлений материальной и художественной культуры прошлого и современности сквозь призму «музейной значимости». Возрастает мемориальное отношение к произведениям садово-паркового искусства. Интересно, что при устройстве в это время усадебных ботанических садов (в отличие от подобных более ранних) применяется научный подход к подбору растений. Музейная направленность такого рода усадеб подчеркивала доступность их для осмотра в определенные дни посторонней публикой. Крупные коллекции в усадьбах нередко оформляются в виде музейных экспозиций, с использованием специального оборудования. Зачастую сама усадьба превращается в род музейного комплекса, с художественным собранием, размещенным в барском доме, достопримечательными местами и коллекциями редких растений, демонстрируемых в парке, и мемориальными сооружениями.

В объектив фотографа попадают и перемены в воспитании детей — будущих владельцев и владелиц усадеб знакомят с повседневными сельскохозяйственными заботами, активно включают в мир русской деревни.

Знакомство с особенностями повседневной жизни усадеб, принадлежавших семье графов Шереметевых, как столичных, так и находившихся в российской провинции, помогает понять влияние культуры дворянства на культуру России, реконструировать духовную жизнь общества, заглянуть в процессы, происходившие в российской истории на рубеже двух веков.

Останкино

Московская губерния

«Тихо и отрадно мирное Останкино в объеме его прохладных роцей, которые отовсюду веют роскошным опахалом своих лип и сосен, освежая для него знойные часы полудня. Еще очаровательнее оно при лучах красных отражений заря, когда голубым зеркалом расстилается обширный пруд в темной окраине прибрежной дубравы, перед величественным храмом и палатами, или когда в поздний час вечера багровое солнце, спускаясь за лес, последними лучами румянит купол графского дома или крестовые главы высокой церкви времен патриарших»⁵. Этими словами А.Н. Муравьева начинается свой рассказ об Останкине граф Сергей Дмитриевич Шереметев. После смерти отца Сергея Дмитриевича — графа Дмитрия Николаевича Шереметева — наследство было разделено между двумя сыновьями от разных браков и второй женой графа — А.Г. Мельниковой⁶. Усадьба Останкино при этом разделе вошла в долю младшего сына — графа Александра Дмитриевича, Сергей же Дмитриевич получил Кусково, и в Останкине он, судя по всему, бывал реже, чем ему хотелось бы⁷. Все воспоминания Сергея Дмитриевича об Останкине, а мы располагаем только воспоминаниями Сергея Дмитриевича, связаны с радостными событиями в жизни семьи графов Шереметевых. И действительно, история Останкино — это история праздников, и связана она в первую очередь с дедом Сергея Дмитриевича — графом Николаем Петровичем Шереметевым, который в 1792 году начал коренное переустройство усадьбы с целью создания театра-дворца⁸. Музыка и театр были в жизни графа главной страстью, и для воплощения его замыслов было выбрано Останкино.

Первый этап строительства нового дворца-театра завершился к лету 1795 года, и его окончание было отмечено пышным приемом 22 июля указанного года. В этот день состоялась премьера оперы И. Козловского «Взятие Измаила, или Зельмира и Смелон», где первую оперную партию исполнила ведущая крепостная актриса графа Н.П. Шереметева Прасковья Ковалева-Жемчугова. Месяц спустя во дворце был устроен еще один праздник — прием в честь графа Потоцкого. Эти праздники показали острую нехватку помещений для большого количества гостей, и строительные работы было решено продолжить.

На весну 1797 года были назначены коронационные торжества Императора Павла I в Москве. Николай Петрович очень хотел устроить прием в честь императора в Останкине, и к 25 апреля 1797 года, когда Павел обещал посетить Останкино, дворец-театр предстал во всем великолепии. Их Императорские Величества с камер-фрейлинами Протасовой и Нелидовой, шталмейстером князем Голицыным и князем Гагариным действительно посетили Останкино⁹, но пробыли недолго, только осмотрели дворец, чем очень расстроили хозяина. Тем не менее слух о посещении Останкина императором и красоте только что отстроенного дома облетел Москву, и многие захотели посетить его. Вот как описывает дворец того

⁵ Шереметев С.Д. Останкино. СПб., 1897. С. 3.

⁶ Первая жена графа Д.Н. Шереметева — Анна Сергеевна, урожденная Шереметева; вторая — Александра Григорьевна Мельникова.

⁷ Надо сказать, что С.Д. Шереметев сам добивался именно такого раздела, о чем будет подробно рассказано в главе, посвященной усадьбе Кусково.

⁸ Впервые Останкино упоминается в Межевой книге Троице-Сергиева монастыря за 1558 год. К Шереметевым усадьба попала в 1743 году, когда единственная дочь князя Алексея Михайловича Черкасского, владевшего в то время Останкиным, Варвара Алексеевна, вышла замуж за Петра Борисовича Шереметева и Останкино было отдано ей в приданое. При Петре Борисовиче в Останкине строится увеселительный дом и регулярный парк с прудами. Но Петр Борисович больше любил усадьбу Кусково — именно там он поселился и основал свой знаменитый театр.

⁹ Кузнецов А.Я. Останкино в воспоминаниях современников. Историческая справка. М., 1947 (Научный архив Московского Музея Усадьбы Останкино (далее — ММУО). Ф. II. Инв. № 330. С. 7).

времени историк-московед С.М. Любецкий: «Нижний этаж останкинского дома более приспособлен к житию, нежели верхний; парадное антре ведет к нему со двора; в верхнем этаже, между двоерядными колоннами, устроен великолепный театр, а против него — партер, изящно и красиво; театр окружен настоящими чертогами, со всевозможно роскошною обстановкой. Вид из верхнего этажа в сад, через просеку, в Москву и на окрестные букетные рожи и сверкающие пруды, прекрасен. Снаружи дома лепные украшения крыльца и статуйки на пьедесталах отчетливой, превосходной работы, и, наконец, на бельведере, полоскавшийся в воздухе флаг, как бы манящий, приглашавший гостей к радушному хозяину»¹⁰.

Находившийся в это время в Москве польский король Станислав Понятовский получил приглашение Шереметева посетить его новый дворец, а вместе с ним и «358 российских господ и иностранных министров»¹¹. Для них был устроен большой праздник. На сцене останкинского театра была представлена опера А. Гретри «Браки самнитян», где в главной роли блистала любимая актриса графа Прасковья Жемчугова, после чего был дан грандиозный бал, затем ужин и фейерверк. Многие газеты того времени посвятили целые статьи его описанию. Например, «Вестник Европы» сообщал своим читателям следующее: «Нынче в 7 часов вечера ездил король со своей свитой в Останкино, подмосковное село графа Шереметева, который давал для него праздник. Число гостей первого класса простиралось до 200. Король осматривал замок и сад; везде чрезвычайное великолепие. Пошли в театр; играли оперу “Самнитские браки”, в которой актерами были крепостные люди графа Шереметева. Одежды прекрасные; костюм сохранен с великолепной точностью. Одна актриса играла в брильянтовом уборе, который ценят во 100 тысяч рублей; многие из балетчиков танцевали прекрасно. По окончании оперы король отведен был в другие комнаты, но через полчаса возвратился в залу театра, которой уже не было: сошли по нескольким ступеням, покрытым алым бархатом, в обширную галерею, и в ту же минуту загрела музыка, начались танцы. В одиннадцать часов король вышел на балкон, весь сад был прекрасно иллюминирован, а перед самым балконом горело вензелевое имя Станислава Августа. В двенадцать часов сели ужинать; за столом находилось более 100 человек. Граф проводил короля до самой кареты»¹². Схожие восторженные отзывы оставили сам Станислав Понятовский, граф Яков Сиверс и другие.

После торжественного приема 1797 года наступил последний период строительства дворца, когда были сделаны пристройки со стороны парка. Однако после вынужденного переезда в Петербург, связанного с придворной службой, и тяжелой болезни, перенесенной графом Н.П. Шереметевым в 1797 году, он уже не мог уделять много времени театру. К тому же в этом же году после тяжелой пневмонии прекратилась певческая карьера Прасковьи Жемчуговой, и театр потерял для графа свою привлекательность. Первое повеление о частичном роспуске труппы он отдал в 1799 году. Тем не менее еще один роскошный праздник в присутствии императора произошел в Останкине 1 октября 1801 года, в честь коронации Александра I. Правда, в театральном штате к этому времени осталось лишь 14 танцоров и музыканты оркестра — театр уже не существовал. Однако в воспоминаниях современников это был самый пышный прием, данный царской фамилии в Москве. Ф.Ф. Вигель в своих воспоминаниях пишет: «...никто не превзошел в великолепии графа Шереметева»¹³. Ему вторит присутствовавший на коронации англича-

¹⁰ Любецкий С.М. Село Останкино с окрестностями своими. М., 1868. С. 18.

¹¹ Кузнецов А.Я. Останкино в воспоминаниях современников. (НА ММУО. Ф. II. Инв. № 330. С. 8.)

¹² Там же. С. 13–14.

¹³ Кузнецов А.Я. Останкино в воспоминаниях современников. (НА ММУО. Ф. II. Инв. № 330. С. 23.)

тило, так как граф «давно отвык от придворной жизни, да никогда особенно и не жил ею»²⁶. 26 августа, в день коронавания, граф Д. Н. Шереметев высочайшею грамотою был удостоен назначением в гофмейстеры ко двору, а 30 августа пожалован орденом Святого Станислава 1-й степени. Именно после этого посещения главный останкинский дом стал именоваться дворцом.

Сергей Дмитриевич пишет: «1856 год, год коронации, был знаменательным и одним из счастливейших в жизни моего отца»²⁷. С тех пор Останкино для графа Д. Н. Шереметева всегда было связано с самыми светлыми воспоминаниями жизни, и «...он всегда оживлялся, когда говорили о нем»²⁸.

Государь Александр II с императрицей посетили Останкино еще раз: в 1857 году они прожили в усадьбе три дня — с 27 по 29 августа, после чего «отцу пожаловали Анненскую ленту»²⁹.

Последним событием, напоминающим о роскошных празднествах в усадьбе, была свадьба Сергея Дмитриевича Шереметева, которую решено было отпраздновать в Останкине. Может быть, поэтому его воспоминания об Останкине так светлы и романтичны: «Как хорош был Останкинский дом в день своего убранства, 30 июня 1868 года. Он весь горел в огнях, и можно было судить об умении и о вкусе строителей, имевших в виду именно приспособление к праздникам. Огни отражались в воде и освещали церковь, а за прудом тянулась темною стеною березовая роща с просекою. Мирная лунная ночь разливала свой тихий свет на окрестности, и ясно светился сквозь просеку золотой купол Ивана Великого.

Странно было чувствовать себя обитателем этого старого дома, с бесконечным числом комнат, в которых нигде не было жилья, но и любопытно было изучать его подробности, пробираться во все его закоулки и тайники, а таковых в нем было немало. Я помню удивление, когда мы в одном из них наткнулись на спрятанную восковую фигуру женщины³⁰ почти во весь рост. Хотя казалось, дом переполнен был предметами искусства — портретами и картинами, но в этих тайниках мы находили другие забытые картины или портреты без рам. Так в числе их найден был тогда портрет деда молодым человеком, сделанный в Париже в 1771 году художником Roslin.

Над серединою дома — круглый мезонин в виде широкого купола. К нему вела темная и узкая лестница. Мы взобрались на эту вышку и очутились в круглой большой комнате, сплошь заставленной посудой — но какой посудой! Образцы произведений *Vieux Sèvres*, *Vieux Saxe*, *Wedgwood* и всего более и всего драгоценнее произведения старинного китайского производства³¹, разные *cèladons*, и т. п., не верилось глазам...»³² Вспоминает Сергей Дмитриевич и старинную мебель, и огромный портрет императора Павла³³, писанный во весь рост, и коллекцию чудесной бронзы и бисквитов, о которых говорил и император Александр III, вспоминая свое детское пребывание в Останкине³⁴.

²⁶ Шереметев С. Д. О моем отце графе Дмитрие Николаевиче. С. 161.

²⁷ Шереметев С. Д. Останкино. С. 10.

²⁸ Там же.

²⁹ Шереметев С. Д. О моем отце графе Дмитрие Николаевиче. С. 161.

³⁰ Восковая анатомическая фигура женщины сохранилась и находится в коллекции музея-усадьбы Останкино.

³¹ Коллекция китайского и европейского фарфора XVII–XVIII веков сохранилась и находится в коллекции музея-усадьбы Останкино.

³² Шереметев С. Д. Останкино. С. 18–19.

³³ Портрет Императора Павла I во весь рост сохранился и находится в коллекции музея-усадьбы Останкино.

³⁴ Император Александр III в описываемое время был еще ребенком и во время визита императорской семьи в Останкино жил во флигеле, стоявшем недалеко от церкви Живоначальной Троицы.

ГРАФ СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ ШЕРЕМЕТЕВ
Конец 1860-х
КАТ. 7

ГРАФИНЯ ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА
ШЕРЕМЕТЕВА
Конец 1860-х
КАТ. 8

Женой графа Сергея Дмитриевича Шереметева, в то время ротмистра Кавалергардского Ее Величества Государыни императрицы Марии Федоровны полка, стала восемнадцатилетняя красавица княжна Екатерина Павловна Вяземская, дочь действительного статского советника князя Павла Петровича Вяземского³⁵. Поручителями при венчании со стороны жениха были его отец граф Дмитрий Николаевич Шереметев, друг жениха корнет Кавалергардского полка граф Александр Васильевич Голенищев-Кутузов, барон Модест Модестович Корф, состоявший в то время в должности церемониймейстера двора, и корнет лейб-гвардии Гусарского Его Императорского Величества полка Владимир Алексеевич Шереметев, двоюродный брат графа Сергея Дмитриевича, представитель нетитулованной ветви Шереметевых³⁶. Поручителем при невесте стали ее отец, ее дядя, гвардии отставной ротмистр Дмитрий Аркадьевич Столыпин, и коллежский советник князь Дмитрий Сергеевич Горчаков, муж старшей сестры невесты. Новые родственные связи в дальнейшей жизни графа Сергея Дмитриевича оказались очень значимыми.

³⁵ Подробнее о семье Вяземских в главе «Остафьево».

³⁶ Краско А. В. Три века городской усадьбы графов Шереметевых. Люди и события. М.; СПб., 2009. С. 188.

ОСТАНКИНО

В своих воспоминаниях С.Д. Шереметев пишет, что государь Александр III любил припоминать это время и всегда спрашивал, уцелел ли дом, в котором он тогда жил? Дом этот, деревянный, одноэтажный, находился близ церкви. Его, а также кабинет большого дома с письменным столом, служившим государю Александру II, на котором был подписан в 1856 году Коронационный манифест, в котором объявлялась амнистия декабристам, Шереметевы считали историческим наследием. *«Отец мой всегда желал поставить в Останкине памятник в ознаменование этого события, но не успел этого сделать»*³⁷. Дом, к сожалению, не сохранился, а вот кабинет дожил до наших дней, практически не изменившись.

С Останкиным у графа Сергея Дмитриевича связаны и совсем отдаленные детские, дорогие, как он пишет, воспоминания: *«В начале [18]60-х годов, когда приехал я в Москву посетить бабушку Екатерину Васильевну Шереметеву, случилось мне приехать в канун Троицына дня. Это день храмового праздника в Останкине. Совершенно неожиданно собрались мы туда с тетушкой Е. С. Делёр. Приехали к началу обедни. Церковь была переполнена молящимися и убрана зеленью по-праздничному. Старик-священник (тот самый, который в 1868 году нас венчал) прочел троекратную коленопреклоненную молитву за вечерней, как теперь уж редко читают. Этого чтения забыть нельзя»*³⁸.

Неудивительно, что С.Д. Шереметев вспоминает именно этот момент из своего юношества — церковь в жизни графов Шереметевых играла огромную роль. Шереметевы были людьми глубоко верующими. *«Всего дороже в Останкине и любопытнее это церковь, — пишет С.Д. Шереметев далее. — Вы входите в низкие врата и переноситесь к концу XVII века. Иконостас в неприкосновенной целости с рядом древних икон. Над царскими вратами икона в серебряном окладе — вклад государя Александра II и государыни Марии Александровны 1856 года. Храм с двумя приделами, из небольшого продолговатого окна из них виден пруд, а за ним березовая роща на Москву. Тихо здесь и спокойно, а служба бывала здесь чудная...»*³⁹

Императорская семья пожаловала Останкинской церкви не только «образ святых угодников», который, по-видимому, и упоминает Сергей Дмитриевич. С.М. Любецкий в очерке «Село Останкино» тщательно перечисляет и описывает царские подарки: *«Их Величества в ознаменование пребывания своего в 1856 году в Останкине пожаловали тамошней церкви:*

- 1) образ святых угодников, соименных членам ныне царствующего дома, написанных на финифти, вышиною три, а шириною два с половиной вершка;
- 2) Евангелие большого размера, на полуалександрийской бумаге, золотообрезное на обеих сторонах, в серебряном вызолоченном окладе, с чеканными изображениями. Весу в нем серебра 11 фунтов и 72 золотника;
- 3) одежды на престол Троицкой церкви и жертвенник, воздух с двумя покровцами (покровцы без разрезов) из золотой парчи, высокого достоинства, с серебряными разводами, по которым вытканы розаны и зелень;

ОСТАНКИНСКИЙ ДВОРЕЦ. РОТОНДА.
КАБИНЕТ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II
1868–1870
КАТ. 9

ОСТАНКИНО

БУДУАР ИМПЕРАТРИЦЫ
МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ
1868–1870
КАТ. 10

³⁷ Шереметев С.Д. Останкино. С. 20–21.

³⁸ Там же. С. 17.

³⁹ Там же. С. 21.

Останкино дачное

«Что такое наши дачи, когда они получили свое название? — спрашивает С. М. Любецкий в книге «Московские окрестности», изданной в 1877 году в Москве. — В старину вся Москва со всеми своими пригородьями, выселками и приселками принадлежала удельным великим князьям, а потом царям, которые раздавали земли как в самой Москве, так и в окрестности ее в виде наград ближним своим боярам за их заслуги; эти награды, или подарки, назывались **дачами**, которые находились не только на окраинах Москвы, но теснились и в самом Кремле. Тогдашние загородные местности отделялись от главных частей города деревянными надолбами и рвами; а со времени Екатерины отделялись Камер-Коллежским валом. <...>

С течением времени Москва стала расти богатырски и раскидываться на все стороны; в былые времена дачи, находившиеся в самой Москве, имели широкий простор и полную сельскую обстановку: тенистые сады и огороды; тогда почти у каждого домовладыки находились плодовые деревья и ягодные растения, пруды, мльни, пчельники и пр. Впоследствии широкие местности в Москве стали мало-помалу застраиваться домами; вместе с тем и в окрестностях столицы стали размножаться загородные дачи; с каждым годом потребность в них ощущалась все более и более»⁴⁸.

Первые летние жители появились в Останкине в 1810–1820-х годах. В 1814 году Гостиный флигель⁴⁹ дворца был сдан в аренду архитектору Ф. К. Соколову, а «княжий домик»⁵⁰ — купцу Гиппиусу; в 1820-х «в Садовую слободку приехал из Свиблова грек г-н Чумака»⁵¹, а к 1830-м годам Останкино, наряду с Сокольниками, становится любимым местом гуляний московской публики. С 1850-х годов сдаются внаем графские флигеля, которые приносят хороший доход. Однако для «прогульщиков» и управляющих существовал ряд запретов, строго регламентирующих отдых в усадьбе: «Цветов в саду не рвать, по траве не ходить, собак не водить и в доме ни до чего не дотрагиваться», а также «никому без исключения не ездить в саду по аллеям, дорожкам и даже в парке на лошадях верхом или в экипажах»⁵².

Когда во второй половине 1870-х годов, после раздела имущества, новый хозяин Останкина граф А. Д. Шереметев затеял крупный ремонт, встал вопрос: «Возобновляется ли дворец в селе Останкове как исторический памятник и частью для жилья или нужно его перестроить и приспособить исключительно только для жилого помещения?»⁵³ Было принято решение о «возобновлении» Останкинского дворца как памятника. Дворец никогда никому не сдавался. Его можно было осмотреть только с разрешения «заведующего домами и дачами Сулова»⁵⁴. Не допускались в останкинском саду также музыка и танцы «по неимению удобных к тому мест».

Однако после отмены крепостного права в 1861 году отношение владельцев усадебных земель к дачникам изменилось. Надо было искать новые источни-

⁴⁸ Любецкий С. М. Московские окрестности ближние и дальние. М., 2006. С. 6.

⁴⁹ Гостиный флигель был снесен за ветхостью в конце 1820-х годов.

⁵⁰ «Княжий домик» — флигель, в котором останавливался во время своих приездов князь И. М. Долгоруков, связанный родством с графом Н. П. Шереметевым.

⁵¹ Любецкий С. М. Село Останкино... С. 23.

⁵² Спрингис Е. Э. Московские жители в селе Останкине // Русская усадьба. Вып. 5 (21). М., 1999. С. 214.

⁵³ Еремينا О. И. Хроника ремонтов и реставраций Останкинского дворца: XIX век // Уникальный памятник архитектуры конца XVIII века дворец-театр в Останкине в контексте международного опыта реставрации и сохранения дворцовых комплексов: новый взгляд на старые проблемы: Материалы научной конференции. М., 2015. С. 43.

⁵⁴ Спрингис Е. Э. Московские жители в селе Останкине. С. 214.

УСАДЬБА ОСТАНКИНО

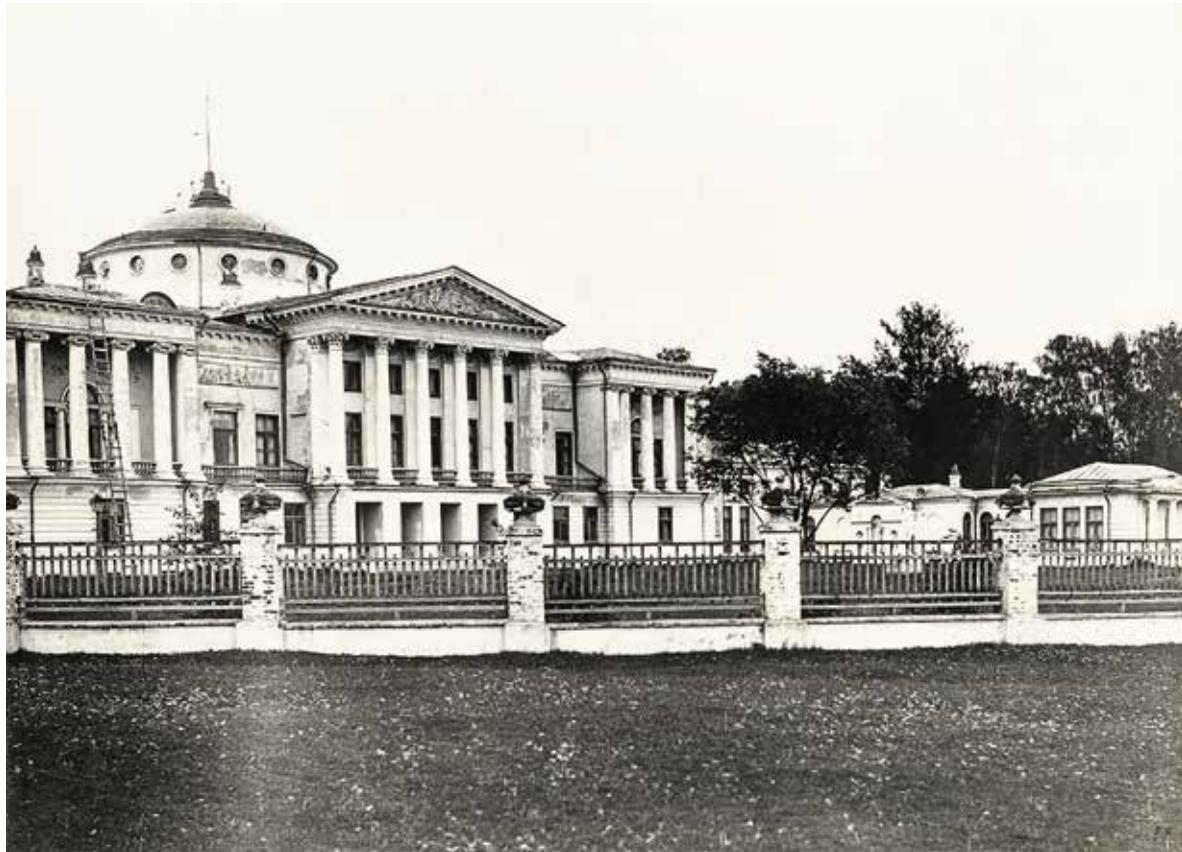
Начало XX века

кат. 36

ки дохода. Пришлось это делать и графам Шереметевым. Часть бывших дворовых из Останкина была выселена, оставшиеся — переведены на арендное держание земли. Наибольшую прибыль в это время приносила сдача в аренду господских флигелей, а начиная с 1869 года — сдача в аренду земельных участков под строительство дач и не только. В Останкине начался «строительный бум»: появляются новые улицы, удлиняются старые, возникает новый жилой квартал — к концу 1880-х годов дачами была застроена вся территория от Останкина до Марьиной Рощи. На 1870–1880-е годы приходится расцвет дачной жизни в Останкине.

Историк С. М. Любецкий, сам проводивший летний сезон в Останкине, оставил подробнейшие описания этой местности. А в коллекции музея-усадьбы Останкино имеется альбом 1913 года, принадлежавший графу Александру Дмитриевичу Шереметеву. Благодаря фотографиям и воспоминаниям и мы можем прикоснуться к давно ушедшей жизни дачного периода Останкина.

В справочных изданиях и путеводителях того времени дворец представлен главной достопримечательностью местности. С. М. Любецкий пишет: «Подъезжая из Москвы к Останкину, открывается перед нами чудная панорама, высится двухэтажный, деревянный, оштукатуренный дом-дворец, легкой, изящной, миловидной и вместе величественной итальянской архитектуры, с бельведером и с крыльями пристроек; первоначальный план его начертил знаменитый зодчий Гваренги. <...> Всякое изящное искусство имеет свой язык, имеет хоть немое, но красноречивое выражение; в постройке этого дома-дворца есть своя идея: представить колоссальную игрушку, роскошную виллу, каковые некогда были у римских патрициев в окрестностях вечного города, где они, отдыхая от шума и суетни столицы мира и заслонивши приют свой миртовыми, апельсиновыми и померанцевыми деревьями, жили лицом к лицу с природой, нежась

ОСТАНИНО

ОКРЕСТНОСТИ МОСКВЫ.
ОСТАНИНО ГРАФА А. Д. ШЕРЕМЕТЕВА
1916

КАТ. 39

*и наслаждаясь дарами ее. Конечно, наша угрюмая северная природа скупа на свои произведения, но обстановка дома и сада в Останкине представляла и представляет собою, разумеется, летом, улыбчивый, цветистый уголок Италии. Фас останкинского дома, обращенный к Москве, всецело отражается, повторяется в обширном пруде, растilaющемся перед домом; пруд обрамлен лугами и рощами. <...> Против пруда устроена была крытая беседка для кучеров, съезжавшихся в Останкино с графскими гостями на пиры и гулянья. Внутренность дома представляет как бы поэму, созданную из мрамора, бронзы, цветов и живописи: уборка и расположение комнат, дорогие обои, большие венецианские зеркала, мозаичные полы, резные с позолотой двери, хитротканые ковры, роскошная мебель, так удобно приспособленная к успокоению тела, изящные бюсты мифологических божков, античные урны, литые бронзовые бюсты, японские вазы, китайские куклы-игрушки и прочие милые безделки, представляющие и каменное пламя, и кружевные мраморные арабески; там и цветистые потолки, расписанные *alfresco*, и пр. Все это чарует взоры и восхищает душу»⁵⁵.*

←

ГЛАВНЫЙ ФАСАД ДВОРЦА

1913

КАТ. 37

ФАСАД ДВОРЦА СО СТОРОНЫ ПАРКА

1913

КАТ. 38

ОСТАНИНО

⁵⁵ Любецкий С. М. Село Останкино... С. 14–15.

Что же думали об этих изменениях в жизни сами хозяева усадеб?

Мнения А.Д. Шереметева мы не знаем, а С.Д. Шереметев пишет так: «Нельзя противиться потребности ежегодно развивающейся дачной жизни, хотя лично ей и не сочувствуешь. Но, допуская дачные участки в имениях, ради улучшения их условий не должно увлекаться ими настолько, чтобы лишить известную местность своего исконного характера и отпечатка. Вполне достигнуть этого трудно, но применение возможно. Критика вообще легка и благодарна, но лица, ею промышляющие, — по большей части люди, лишённые почта и рисующиеся в своей мнимой объективности нередко из горделивого чувства, как бы самим не подвергнуться критике других. Оно, конечно, гораздо легче, но и бесплоднее. Для меня, конечно, дачник — это антипод деревенского жителя, и они, говоря на разных и чуждых друг другу языках, никогда друг друга не поймут! С точки зрения дачника, всякая хозяйственная специальность — скучная обуза, а деревенский житель без этой именно стороны в деревне помрет со скуки. Но об этом и говорить не стоит. Это два полюса»⁶⁹.

И Сергей Дмитриевич, и Александр Дмитриевич Шереметевы сдавали свои земли под дачи.

С течением времени в Останкине становилось все многолюднее — город поглощал дачную местность. Останкино превратилось в окраину Москвы.

КУСКОВО

Московская губерния

⁶⁹ Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2005. Т. 2. С. 477.

«Зачем променяли вы дом радости на дом печали?» — писал мне старик останкинский священник, когда узнал о совершившемся разделе и сравнивая Останкино с Кусковым. Но в печалих и радостях минувшего, не вся ли жизнь?

Мы их приветствуем тоской,
Улыбкою полупечальной
И полурадостной слезой...»⁷⁰

Так пишет граф Сергей Дмитриевич Шереметев в своем очерке об Останкине. И действительно — зачем? Ведь в составленном еще в 1869 году графом Дмитрием Николаевичем завещании и отдельном акте Сергею Дмитриевичу отходила именно усадьба Останкино⁷¹. Но Сергей Дмитриевич попросил поменять Останкино на Кусково, тем более что это не было в ущерб младшему брату, так как усадьба Кусково была оценена ниже. Отец отказался, и, когда сын стал настаивать, они поссорились, и Дмитрий Николаевич даже запретил старшему сыну приезжать в Кусково. Конечно, отец и сын помирились, но в 1871 году, после скоропостижной смерти Д.Н. Шереметева, раздел возобновился. Окончательный разделительный акт, составленный особой комиссией, был высочайше утвержден 26 июня 1874 года⁷², а передача движимого имущества затянулась до середины 1880-х. Всем, кто знаком с личностью Сергея Дмитриевича Шереметева, понятна его настойчивость. Это было связано в первую очередь с тем, что Сергей Дмитриевич хотел сохранить Кусково в целости, сохранить его атмосферу, вещи, которые всегда были в Кускове; он не хотел разрушать это «родовое гнездо» — усадьба имела для него прежде всего мемориальное значение. Он ощущал себя хранителем памяти рода Шереметевых, и Кусково занимало в ней особое место.

По преданию, к Шереметевым село Кусково попало еще в первой половине XVI века, когда боярин Василий Андреевич Шереметев выменял Кусково на свою вотчину под Бежецком у Александра Андреевича Пушкина. До 1918 года Кусково оставалось собственностью Шереметевых. Жизнь всех представителей графского рода так или иначе была связана с этой усадьбой. Фельдмаршал граф Борис Петрович Шереметев купил усадьбу Кусково в 1715 году у своего нетитулованного брата Владимира Петровича Шереметева. Занятый постоянно государственными и военными делами фельдмаршал умер в 1719 году, так и не пожив в своей подмосковной вотчине. Все его богатство, и Кусково в том числе, перешло сыну — графу Петру Борисовичу Шереметеву, после женитьбы которого на единственной наследнице канцлера князя А.М. Черкасского, княжне Варваре Алексеевне шереметевские владения сильно увеличились. В числе многочисленных сел с десятками тысяч крепостных крестьян в качестве приданого к П.Б. Шереметеву перешли Выхино и Вешняки, расположенные недалеко от Кускова, за счет которых он смог сильно увеличить территорию усадьбы. Именно при Петре Борисовиче расцвела усадьба Кусково. На протяжении полувека графом создавался уникальный дворцово-парковый ансамбль, собирались художественные коллекции. После смерти жены в 1767 году и старшей дочери Анны в 1768-м Петр Борисович ушел в отставку, и оставшиеся 20 лет своей жизни провел в Кускове, всячески украшая и благоустраивая его. Именно в Кускове был создан знаменитый шереметевский театр; здесь же дочь кузнеца Прасковья

⁷⁰ Шереметев С.Д. Останкино. С. 25.

⁷¹ Д.Н. Шереметев решил заранее написать духовное завещание и составить отдельный акт, по которому после его смерти все имущество, движимое и недвижимое, было разделено между двумя сыновьями от разных браков.

⁷² In Мемогіам. Посвящение графу С.Д. Шереметеву (1844–1918) // Государственный музей керамики и «Усадьба Кусково XVIII века»: каталог выставки в ГБУК города Москвы / авт.-сост. А.С. Муковоз. М., 2018. С. 48.

Ковалева, впоследствии ставшая графиней Шереметевой, была определена в услужение престарелой родственнице Шереметевых Марфе Михайловне Долгорукой, а затем попала в крепостной театр графа. В кусковском театре Прасковья стала актрисой Жемчуговой, где впоследствии в полном блеске раскрылся ее талант.

В 1777 году театр был полностью передан единственному сыну и наследнику графа П.Б. Шереметева — графу Николаю Петровичу. Увлечение графа своей первой актрисой Парашей Жемчуговой, безусловно, способствовало подъему кусковского театра, ставшего его любимым занятием и страстью. Под его руководством кусковский театр превзошел московский — сам Меддокс жаловался, что граф Шереметев отбирает у него публику. Все эти поистине судьбоносные события произошли в усадьбе Кусково.

Для самого Сергея Дмитриевича с усадьбой связаны самые нежные детские воспоминания о матери и самые горькие, связанные с ее потерей. Графиня Анна Сергеевна Шереметева усадьбу Кусково очень любила. В одном из писем к Татьяне Васильевне Шлыковой она пишет: «...Кусково прекрасно, и мне почти до слез жалко с ним расставаться»⁷³. Она провела здесь вместе с сыном лето 1847 и 1848 годов, а летом 1849-го в Кускове Анна Сергеевна неожиданно и скоропостижно скончалась. В метрической книге Московского уезда села Кускова Спасской церкви за 1849 год в статье об умерших № 5 записано: «11 июня скончалась простудой Ея Сиятельство графиня Анна Сергеевна Шереметева, 38 лет»⁷⁴. Погребена графиня А.С. Шереметева была в Новоспасском монастыре в Знаменской церкви. Сергею Дмитриевичу в это время было всего 5 лет, но вспоминал он эти годы всю жизнь. А 12 сентября 1871 года в своем кабинете в Кускове скончался и отец Сергея Дмитриевича — граф Дмитрий Николаевич Шереметев. Все перечисленные события вполне объясняют то значение, которое имела усадьба Кусково для Сергея Дмитриевича Шереметева. «Хранитель Кускова»⁷⁵ — так назвал его младший брат императора Александра III великий князь Владимир Александрович после посещения Кускова в 1870-е годы.

В своих очерках и воспоминаниях Сергей Дмитриевич Шереметев часто упоминал усадьбу Кусково. Он же заказал лучшим фотоателее того времени фотографии, которые мы видим в альбоме. Фотографии и воспоминания дополняют друг друга, позволяя увидеть усадьбу Кусково глазами ее владельца и хранителя.

Ранних усадебных фотографий мало, сами фотографы редко обращались к этому сюжету, а заказы от владельцев не были массовыми. Появление заказных видов имений — своеобразных «парадных портретов поместий» — в первую очередь связано с прославленными, крупными усадьбами, которые рассматривались самими владельцами как значимые, центральные резиденции, «родовые гнезда», к каковым, несомненно, относились Кусково и Останкино. В коллекции музея-усадьбы Останкино имеется альбом с видами ансамбля Кусково и его интерьеров из 23 фотографий, оформленных на картоне, в большой кожаной папке, оклеенной изнутри белым муаровым шелком. Часть фотографий — 13 штук — сделана в 1883 году, о чем мы знаем из Приземленского альбома, хранящегося в Кускове и поныне, а часть, видимо, была доснята позже — в 1886 году к посещению Кускова императором Александром III. Об этом событии вспоминает

⁷³ Краско А.В. Три века городской усадьбы графов Шереметевых... С. 161.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ In Мемогіам. Посвящение графу С.Д. Шереметеву (1844–1918). С. 8.

горю. Истопник Климыч много возился с этими утками; он был забавник, и притом не всегда трезвый; раз даже почему-то лазил по крыше, к великому моему наслаждению. Хотя мне и запрещали бегать по лужам, но меня всегда к ним тянуло, чтобы на сыром песке оставить след ноги. Смутно помню катание в лодке по пруду в светлый, солнечный день, тут же была и моя мать. Помню, как из окон столовой я видел приготовления к отъезду; экипажи, фургон, суета на дворе, что-то укладывали. Позднее мне объяснили, что моя мать ездила в соседнюю Берлюковскую пустынь.

Меня всегда радовал колокольный звон, и теперь люблю его. Сколько раз стоял я у колокольни и следил за звонарями! Пруды меня немного пугали. Рассказ об утонувшем немце Зильмане (в двадцатых годах, когда жила в Кусково бабушка Варвара Петровна) на меня очень подействовал.

Меня очень привлекали в доме часы с марионетками и с музыкой. И много еще таких отрывочных, отдаленных воспоминаний детства сохранилось в моей памяти, и люблю я вспоминать это счастливое, невозвратимое время»⁸².

Следующее лето, 1849 года, семья планировала также провести в Кусково: «Мы намеревались провести все лето в Кускове; но Бог ссудил иначе. Расскажу сначала, что у меня осталось в памяти от этих дней, круто изменивших всю мою жизнь. Когда и как переехали мы в Кусково, решительно ничего не помню; живо припоминаю только одну прогулку, очень продолжительную, с моей матерью по окрестностям Кускова; ходили мы очень долго; прошли через какую-то большую деревню, потом через лес и, наконец, вернулись очень утомленные. Это было в воскресенье. На следующий день узнаю, что мать не совсем здорова и что она будет обедать отдельно у меня в комнатах. Стол накрыт был в правом углу комнаты Шарлотты Ивановны, близ окна. Действительно, мы обедали вместе, чему я очень радовался. Мне сказали, что на следующий день будет то же самое, но в этот день моя мать обедать не пришла. Далее у меня словно в тумане и неясно; только помню, как теперь: меня ввели в спальню матери и поставили у самой постели, стоявшей в глубине комнаты, в алькове. Мне показалось, что в комнате очень темно и лицо матери темнее обыкновенного. Она была прислонена к подушке, спиной к стене. Голова моя доходила до ее рук, и я все на нее смотрел: потом меня увели. Это было в последний раз, что я ее видел. Вскоре после того две тетушки Булыгины, Евдокия Ивановна и Александра Ивановна, несколько дней не отходили от меня, как бы чередуясь. Я удивлялся, почему меня не пускали к матери, а потом опять все темно, — пока наконец не очутился я на маленькой даче в Петровском парке, и со мною одна Шарлотта Ивановна!»⁸³

«День похорон назначен был 15 июня. <...> С раннего утра толпа народу стремилась в Кусково. День был великолепный. Приехал митрополит Филарет с многочисленным духовенством; съехались все друзья. Крестьяне на руках понесли гроб до Новоспасского монастыря⁸⁴. Там встретили архимандрит Агапит с братиею. Отпевал Филарет. Мою мать похоронили в склепе Знаменской церкви, рядом с моим братом»⁸⁵.

Утром того же дня посадили меня в карету и увезли из Кускова в Петровский парк, где для меня была нанята дача. Говорят, что, выезжая в Москву, я заметил, что

⁸² Мемуары графа С.Д. Шереметева. Т. 2. С. 104–105.

⁸³ Там же. С. 109–110.

⁸⁴ Новоспасский монастырь — ставропигиальный мужской монастырь Русской Православной Церкви, расположенный в Москве на Крутицком холме, у берега Москвы-реки. Известен своей тесной связью с домом Романовых. С начала 50-х и до конца 70-х годов XIX века настоятелем монастыря был архимандрит Агапит (Введенский), известный в то время аскет, друг святителя Филарета, митрополита Московского. Монастырь существует и сейчас и находится по адресу Крестьянская площадь, дом 10.

⁸⁵ Шереметев Николай Дмитриевич (1838–1843) — старший брат графа С.Д. Шереметева; скончался от скарлатины за год до его рождения.

около Кускова много народу, и спрашивал, не праздник ли? Но ничего этого не помню, и я очнулся только в Петровском парке»⁸⁶.

Далее Сергей Дмитриевич пишет: «Отец никогда особенно не любил Кускова и не жил там; но уже после кончины матери и думать нельзя было, чтобы мы туда вернулись». Семья в основном жила в Петербурге. Но осенью 1850 года маленькому графу еще раз довелось побывать в Кускове вместе с Татьяной Васильевной Шлыковой, которая хотя уже давно окончательно обжилась в Петербурге, очень желала побывать в Кускове.

«Давно желала Татьяна Васильевна и давно собиралась она побывать еще раз перед смертью в Кускове. Для нее оно было полно воспоминаний молодости, когда еще ребенком жила она в доме Петра Борисовича, жила спокойно и счастливо с верным другом своим, мою бабушкой Прасковьей Ивановной; когда еще блистала она на кусковской сцене и заслужила поцелуй Великой Екатерины! <...> Мы поехали вместе в Кусково. С нами была и Шарлотта Ивановна. И для меня Кусково уже было дорогим воспоминанием прошлого...»⁸⁷ После этого посещения граф С.Д. Шереметев не был в Москве и Кускове, которые очень любил, до 1860 года.

Татьяна Васильевна Шлыкова была крепостной графов Шереметевых. На сцене она носила псевдоним Гранатова. Татьяна Шлыкова-Гранатова была не только прима-балерина, но исполняла и драматические роли. В Кускове она выступала перед Екатериной II, князем Г. Потемкиным, который подарил ей дорогой платок, польским королем Станиславом Понятовским. Но главное, она была близкой подругой Прасковьи Жемчуговой, графини Шереметевой. Эта дружба на всю жизнь связала ее с графской семьей. После смерти любимой подруги графини П. И. Шереметевой в 1803 году она дала обет графу Николаю Петровичу Шереметеву никогда не покидать их единственного сына Дмитрия. Свой обет Татьяна Васильевна сдержала. Она практически заменила графу Дмитрию Николаевичу мать, полностью посвятив себя его воспитанию, а потом стала настоящей «бабушкой» для внука — Татьяна Васильевна была одним из самых близких людей для Сергея Дмитриевича Шереметева. В 1888 году он посвятил Т.В. Шлыковой очерк, где оценил ее умение соединить должную почтительность с большим человеческим достоинством. «Перед нею проходили лица, совершались события; она оставалась неизменно <...> была общительна, приветлива, в разговоре своеобразна и поучительна, в воспоминаниях очень любопытна. Ее светлый ум и доброе сердце соединились с необыкновенной выдержкой и большим запасом житейской опытности. Она была представительница здоровой среды, глубоко религиозной, чисто русской. Она была живое предание»⁸⁸. Надо сказать, что опекуны осиротевшего маленького графа-наследника пытались отстранить Т.В. Шлыкову от его воспитания, но за нее вступилась императрица Мария Федоровна, взявшая под свое покровительство оставшегося сиротой маленького графа. Татьяна Васильевна оставалась в семье Шереметевых до самой своей смерти в 1863 году.

⁸⁶ Мемуары графа С.Д. Шереметева. Т. 2. С. 113–114.

⁸⁷ Там же. С. 119.

⁸⁸ In Memoriam. Посвящение графу С.Д. Шереметеву (1844–1918). С. 33–34.

Маленький граф Сергей Дмитриевич был окончательно перевезен в Петербург, а лето проводил в усадьбе Ульянка близ города, которую граф Дмитрий Николаевич очень любил. И только в 1860 году юному графу было разрешено посетить бабушку Екатерину Васильевну в Москве в доме на Воздвиженке. Разрешено также было посетить Останкино и Кусково. Трудно передать чувства С.Д. Шереметева лучше, чем он сделал это сам: *«То было счастье!.. — пишет Сергей Дмитриевич. — Пребывание в Москве было непродолжительно, но оно запечатлелось на всю жизнь. Конечно, первым делом было посещение Новоспасского монастыря и Кускова. <...> Из Москвы выехали еще до полудня и через Рогожскую заставу отправились по Коломенскому шоссе. Дорога была довольно занимательна. Чем более отдалялись от Москвы, тем вид становился лучше: золотые главы церквей и соборов, озаренные лучами солнца, сияли чудным блеском. Выше других возвышалась громадная колокольня Симонова монастыря, не уступающая самому Ивану Великому. Мы миновали деревню Хохловку, затем село Корочарово; вот наконец и принадлежащая отцу деревня Вязовка. Москва была уже в семи верстах, но все еще можно было отличить Симонову колокольню. Уже давно по обеим сторонам дороги тянулись владения частных лиц: вот вправо от Вязовки прекрасная дорога в Мельницы, роскошное имение князя Сергея Михайловича Голицына, одно из лучших, живописнейших подмосковных поместий. Но тут же и другая дорога влево, через густую рощу в наше Кусково. Мы свернули с шоссе и въехали в рощу... Здесь начались мои воспоминания, и, по мере того как мы приближались к цели, они становились живее и яснее. Вдалеке показались избы села Выхина. Мы миновали церковь и богадельню Вешнякова⁸⁹.*

Вот, наконец, раздвинулась роща: мы очутились на берегу давно знакомого пруда, и нам открылся вид на кусковский дом с церковью, конюшнею, кухнею, слободою и парком.

Мы остановились у церковной паперти и тотчас вошли в церковь. Священник отец Федор Зубатов, диакон и все домашние приняли нас очень радушно. У входа в дом встретил нас архитектор Цветков и садовник Лебедевкин. Я тотчас узнал все комнаты, нашел один дорогу в спальню матери, там, где она одиннадцать лет тому назад скончалась. Здесь все, кроме мебели, было по-старому: те же украшения, те же картины на стенах.

Отслужив тут же панихиду, мы отправились по другим комнатам в грустном настроении духа. Я увидел и бывшую мою комнату, где сохранились и мебель, и даже мои игрушки; оттуда через комнату моей нянюшки мы вошли в большую зеркальную залу, лучшую комнату во всем доме. Отсюда пошли в другую половину дома; одним словом, в доме не осталось и угла, куда бы мы не заглянули. Везде рассматривали мы со вниманием старинные портреты, развешанные по стенам, которые хотя и не замечательно сделаны, но придают дому отпечаток былого давнопрошедшего. Здесь нашел я всех почти русских царей и цариц, начиная с Петра Великого до Александра I. <...> Мы вошли в столовую, красивую комнату с окнами к церкви и к пруду, затем посетили биллиардную, где некогда был биллиард, снятый еще в 1849 году⁹⁰. Мало того, мы взобрались и на чердак, думая открыть что-нибудь интересное, но нашли только

ЦЕРКОВЬ УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ В ВЕШНЯКАХ

1886

КАТ. 61

ВИД НА УСАДЬБУ СО СТОРОНЫ ПРУДА

1883–1886

КАТ. 62

⁸⁹ Богадельня основана графиней Варварой Алексеевной Шереметевой, дочерью канцлера князя А.М. Черкасского. В дальнейшем попечительницей Вешняковской богадельни стала жена графа С.Д. Шереметева Екатерина Павловна Шереметева.

⁹⁰ В музее-усадьбе Кусково можно и сейчас пройти по описанному графом С.Д. Шереметевым маршруту, увидеть портреты русских царей и другие упоминаемые им предметы.

КУСКОВО

КУСКОВО

Пред домом круглый луг, за домом темный сад,
Там роца, там овраг с ручьем, курганов ряд,
Немая летопись о безымянной битве;
Белеет над прудом пристанище молитв,
Дом Божий, всем скорбям гостеприимный дом,
Там привлекают взор далече и кругом
В прозрачной синеве просторной панорамы
Широкие поля, селенья, Божьи храмы,
Леса, как темный пар, поемные луга
И милovidные родные берега
Извилистой Десны, Любучи молчаливой,
Скользкой вдоль лугов струей своей ленивой...¹²³

Так описывал Остафьево поэт князь Петр Андреевич Вяземский, сын князя Андрея Ивановича Вяземского, купившего имение Остафьево в конце XVIII столетия. «Русский Парнас» — такую славу оно приобрело в то время. А это описание того же места графа Сергея Дмитриевича Шереметева, ставшего последним владельцем усадьбы: «Из окна вид на сад. Кругом деревья и часть горизонта. Впечатление успокоительное и тихое, располагающее к усидчивому труду. Старый сад несколько запущен, дорожки заросли, кроме средней липовой аллеи. Кое-где случайно посажены молодые деревья. Влево — поле с двумя березовыми рощами; вправо овраг с засохшим руслом Любучи и опять поля. <...> Прямо за садом старая березовая роща, почему-то неправильно прозванная Карамзинскою, как и аллея вдоль ее опушки. Эти деревья посажены были Петром Андреевичем и его сестрою. Отсюда вид на поля и на извилистую ленту Десны <...> а на горизонте когда-то тянулись леса, ныне вырубленные <...> Тут же недалеко ряд курганов и сельское кладбище <...> С другой стороны дома пруд с плотиною, за ним церковь, белая, с зеленой крышей, вокруг их березы с обычными гнездами и стаей грачей; тут же сейчас крестьянские избы. Это село Остафьево»¹²⁴.

Женившись в 1868 году на княжне Екатерине Павловне Вяземской, граф Сергей Дмитриевич породнился с семьей, не один век входившей в интеллектуальную элиту России. Он и его жена хорошо понимали значение Остафьева для русской культуры. При Шереметевых усадьба окончательно была превращена в музей; ей и ее обитателям Сергей Дмитриевич посвятил множество строк и воспоминаний.

«Первым его [села Остафьева. — Примеч. ред.] владельцем был князь Андрей Иванович Вяземский. Семейные отношения отдалили его от старой Дмитровской усадьбы отца его, князя Ивана Андреевича, и он поспешил продать село Удино, взамен которого купил Остафьево. Когда он приехал для осмотра имения, ему бросилась в глаза липовая аллея и так ему понравилась, что он решил на покупку и тотчас же приступил к постройке нынешнего дома. Это было в самом конце прошлого столетия.

По обычаю того времени, он сам деятельно наблюдал за постройкою и по его плану воздвигнулось то здание, которое и поныне существует. Это прочный, поместительный, удобный, каменный дом в два этажа, с фронтоном и колоннами, соединенный крытыми галереями-колоннадами с двумя каменными флигелями, также двухэтажными. Под домом обширные подвалы и кухня, простенки которой выложены красивыми кафлями.

Дом этот так просторен, что в нем могут поместиться несколько семейств, не стесняя друг друга. Оно так и было в течение почти столетия. Здесь жили князь Андрей Иванович и княгиня Евгения Ивановна Вяземские, а после них сын их князь

¹²³ Мемуары графа С.Д. Шереметева. Т. 3. М., 2005. С. 59–60.

¹²⁴ Шереметев С.Д. Остафьево. М., 1889. С. 5.

ОСТАФЬЕВО ЗИМОЙ

1920–е

КАТ. 80

Петр Андреевич и семья Карамзиных. Николай Михайлович Карамзин написал здесь несколько томов своей истории; доселе сохраняется его комната с большим окном в сад, подле которого стоял его письменный стол. Сюда уединялся князь Петр Андреевич, и здесь же принимал он своих друзей, созвездий одной и той же плеяды. Здесь гостили Дмитриев, Пушкины, Жуковский, Давыдов <...> В последний раз приехал сюда князь Петр Андреевич уже в старости, в самый Троицын день»¹²⁵.

В 1804 году Вяземские породнились с великим историком и писателем Николаем Михайловичем Карамзиным — старшая дочь А.И. Вяземского Екатерина вышла за него замуж. После смерти князя в 1807 году Карамзин был назначен опекуном юного Петра Андреевича, благодаря чему молодой князь с ранних лет вошел в среду российских литераторов, а Карамзин фактически стал хозяином Остафьева на 12 лет. «Остафьево достопамятно для моего сердца: мы там наслаждались всей приятностью жизни, немало и грустили; там текли едва ли не лучшие лета моего века, посвященные семейству, трудам и чувствам общего доброжелательства...»¹²⁶ Двенадцать лет «остафьевского

¹²⁵ Шереметев С.Д. Остафьево. М., 1889. С. 2–3.

¹²⁶ Новиков В. Остафьевский затворник // Памятники Отечества. Мир русской усадьбы. М., 1992. № 25. С. 97.

Михайловское

Московская губерния

в мое отсутствие в Остафьево разыгрались крупные события. Во главе организации, подготовившей помещение для пионеров, стояла здоровенная толстая бабица, кажется бывшая прачка, которая, несмотря на рвение, не в состоянии была закончить свое дело к сроку силами одной своей команды... Решено было прибегнуть к содействию местной милиции, отделение которой помещалось где-то поблизости. Группа милиционеров, человек 10–12, взялась аккордно, за хорошую по тому времени плату, в продолжение одной ночи окончательно очистить главное здание от музейного имущества, чтобы на следующий день расставлять уже койки.

Когда на другой день утром я вернулся в Остафьево, <...> открыв дверь из флигеля на веранду, я замер от удивления. На протяжении этой веранды под открытым небом бесформенной кучей лежала мебель и все остальное имущество музея. Милиционеры выполнили свое обязательство к сроку, но им пришлось действовать как при выгрузке дров, т. е. сваливать вещи друг на друга, как попало. Около трети имущества было попорчено и погибло: часть стильной мебели и хрупких вещей поломаны, большие гипсовые фигуры, стеклянные дверцы шкафов и витрин побиты, полотна картин порваны и помяты, оставшееся отдано во власть стихий»¹⁶⁶.

Остафьево было разгромлено. Пионеры разместились в графском доме. В усадьбе началась другая жизнь¹⁶⁷.

* * *

«Вот и все Остафьево. Кто ищет богатства и разнообразия природы, у кого мысль блуждает и уносится в чужую даль, того не удовлетворит скромная природа Остафьева, но у кого не иссякло родное чувство, тот поймет, что здесь он дома, потому, что эта природа — Русь.

А кому дороги эти стены и дух, придававший им смысл и значение, — тому понятны будут слова князя Петра Андреевича:

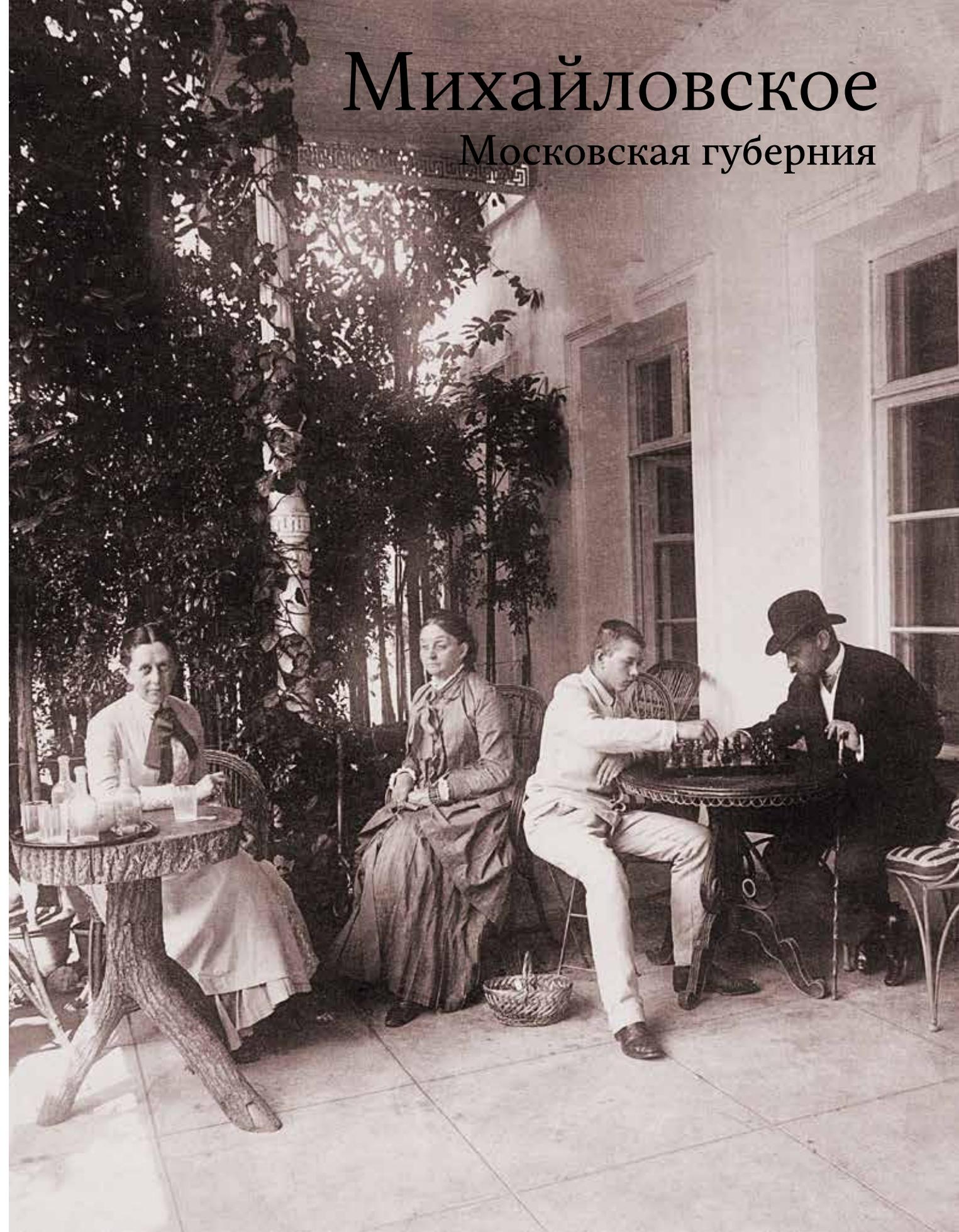
Я слышу голоса из-за глухой могилы;
За милым образом мелькает образ милый...
Нет, не Помпея ты, моя святыня, нет,
Ты не развалина, не пепел древних лет...
Тобой люблюсь я, какой и прежде знал,
Когда с весной моей весь мир мой расцветал.

Граф Сергей Шереметев»¹⁶⁸.

¹⁶⁶ Смит Д. Бывшие люди. Последние дни русской аристократии. М., 2018. С. 277–279.

¹⁶⁷ В декабре 1988 года постановлением Совета Министров СССР музей было решено возродить.

¹⁶⁸ Шереметев С.Д. Остафьево. С. 5.

В сознании русского человека усадьба Михайловское неразрывно связана с именем А. С. Пушкина. Однако существует менее известное, но не менее значимое для усадебной культуры подмосковное Михайловское.

Михайловское было приобретено графом Сергеем Дмитриевичем Шереметевым в 1870 году. Усадьба ему была дорога как память о матери — Анне Сергеевне Шереметевой, которая провела там свое детство.

В 1834 году после смерти отца Анны Сергеевны — Сергея Васильевича Шереметева — его вдова Варвара Петровна вынуждена была продать имение. Семья Шереметевых переехала в Волочаново, а Михайловское по случаю женитьбы купил Алексей Сергеевич Мусин-Пушкин. Анна Сергеевна Шереметева хотела выкупить усадьбу еще в 1840-х годах, однако владелец «заломил невозможную цену»¹⁶⁹. Лишь спустя 30 лет Сергей Дмитриевич Шереметев после женитьбы на княжне Екатерине Павловне Вяземской выполнил желание своей матери, ее сестер и братьев. Заняв деньги, он выкупил Михайловское за 40 тысяч рублей у А. С. Мусина-Пушкина. Усадьба снова вернулась в семью Шереметевых.

Главный усадебный дом был выстроен в 70–80-х годах XVIII века владельцем усадьбы М. Н. Кречетниковым. Напоминанием о владельце служит вензель «МК» на чугунных ограждениях балконов. Со стороны реки к дому примыкала полукруглая терраса. На фотографии хорошо виден теплый переход, связывавший главный дом с жилым флигелем. С другой стороны переход вел к церкви Михаила Архангела, давшей название усадьбе. В 1880-х годах переходы были надстроены застекленными галереями.

Период с 1870 по 1917 год можно назвать расцветом Михайловского. С переходом усадьбы в руки С. Д. Шереметева изменился не только внешний вид имения, но и его смысловое наполнение. Постоянными трудами владельцев имение превратилось в культурный и научный центр, музей, место «*трудов и вдохновенья*», семейное гнездо и образцовое хозяйство. Приобретение Михайловского С. Д. Шереметев называет «*событием решительным <...>, окончательно направившим помыслы и заботы к соблюдению и укреплению заветной семейной святыни*»¹⁷⁰. При покупке имение было сильно запущено, однако вскоре в результате постепенного приобретения смежных земель более чем втрое увеличивается площадь владений, налаживается хозяйство, благоустраивается усадьба. Под руководством архитекторов Н. В. Султанова и М. В. Красовского ремонтируются старые и возводятся новые усадебные постройки.

Одновременно с архитектурными работами была проведена реконструкция усадебных парков, при этом их историческая планировка сохранилась. В овраге был устроен каскад из трех прудов, в которых разводились водоросли. Перед верхним прудом разбили поляну «Подкова» с группой сосен, пихт и лиственниц, повторяющих форму подковы. Часть английского парка была запущена, и таким образом появился массив «Шишкин лес». Во второй половине XIX века в ландшафтном дизайне в моду входят хвойные — в Михайловском закладывается питомник с хвойными культурами. Выращенные там сосны, лиственницы, пихты и кедры высаживались на вновь создаваемых участках парка, в лесах, на пустошах. Лесное хозяйство велось на высоком научном уровне. С. Д. Шереметев поддерживал тесную связь

¹⁶⁹ РГАДА. Ф. 1237. Оп. 1. Д. 5054. Л. 125.

¹⁷⁰ РГАДА. Ф. 1237. Оп. 1. Д. 5392. Л. 1.

МИХАЙЛОВСКОЕ. ГЛАВНЫЙ УСАДЕБНЫЙ ДОМ СО СТОРОНЫ РЕКИ

1903

КАТ. 108

с лесоводческой секцией при Русском обществе акклиматизации животных и растений, учеными Петровской (ныне Тимирязевской) академии и Московского университета. На Всероссийской промышленной выставке в Нижнем Новгороде граф Шереметев получил за ведение лесоводства золотую медаль, а в 1912 году Главным управлением землеустройства и землемерия ему была присуждена премия «*за труды по лесоразведению в... имени Михайловское*»¹⁷¹.

Михайловское может служить примером «образцового» усадебного хозяйства второй половины XIX — начала XX века, в котором развивались практически все отрасли: лесоводство, овощеводство, животноводство, рыборазведение, пчеловодство и садоводство.

Помимо яблоневого и вишневого сада, в трех оранжереях выращивались персики, сливы и абрикосы. Лишние овощи и фрукты продавались. Управляющий Л. В. Байков сообщал владельцу, что «*урожай излишних фруктов... продал по 15 рублей за сотню, а огурцы общим числом за 650 рублей*»¹⁷².

Не менее успешно обстояли дела с животноводством. На скотном дворе разводили крупный рогатый скот и овец. На птичнике, выстроенном в 1885 году по проекту архитектора Н. В. Султанова, разводилось пять пород кур, две породы

¹⁷¹ Альбом участников Всероссийской промышленной и художественной выставки. СПб., 1896. Ч. 2. Отд. А. С. 5.

¹⁷² РГАДА. Ф. 1237. Оп. 1. Д. 6074. Л. 5.

Ульянка

Петербургская губерния

рыбу и запекали ее на вертеле. С.Д. Шереметев постоянно отмечал в дневнике, что в Михайловском очень трудно записывать ежедневно, так как *«время идет быстро — по пословице “день прошел до нас не дошел”, время летит среди занятий и прогулок»*²¹⁰.

Традиционной формой развлечения взрослых в богатых усадьбах и во второй половине XIX века оставалась охота. Охотничьи занятия воспринимались почти как обязанность сельского жителя, как «правильное» и полезное времяпрепровождение, отвечавшее дворянскому чину и достоинству. Страстным охотником был Сергей Дмитриевич Шереметев — у него в уборной хранился весь охотничий арсенал: четыре нагайки, ружье в футляре, сундучок с патронами и шесть различных охотничьих сумок. Увлечены охотой были и его сыновья — Петр, Дмитрий, Павел и в особенности Борис, специально приезжавший поздней осенью и зимой в Михайловское. Под его наблюдением находилась псарня Михайловского, затем переведенная в Баланду, другое имение Шереметевых.

Собаки были предметом особой гордости, увлечения и даже страсти. В Михайловском велась специальная книга *«Гончие Михайловской охоты»*²¹¹. А.В. Орлов-Давыдов с сожалением рассказывает в письме к С.Д. Шереметеву о неудаче на охоте: *«...приняв в густом кустарнике одну из своих гончих, молодого многообещающего кобеля за лисицу, выпалил из ружья, и так несчастливо потрафил бедного пса, что положил на месте, отчего ощущаю и поныне большую расстройку духа; понеже никогда еще со мною таких казусов на охоте не бывало»*. В заключение он просит у Сергея Дмитриевича *«какую-либо лишнюю пару молодых гончих, <...> чтобы чутье было острое и голос звонкий, резвости не надо, в рассуждении того, что при охоте ружейной быстрого хода не требуется»*²¹².

Михайловское во второй половине XIX века представляла собой своего рода музей, в котором, как писал С.Д. Шереметев, *«отражается течение жизни, каждая почти комната соответствует известному времени»*²¹³. Он считал, что для молодого поколения Шереметевых Михайловское стало таким же «гнездом семейных преданий», каким для старшего поколения осталось Кусково. Граф Сергей Дмитриевич надеялся, что Михайловское сможет послужить еще многим поколениям, передаваясь не с рук на руки, а «с души на душу».

*«Третьего дня выпал снег, и лес покрылся хлопьями, и все побелело. В этот день рубили просеку в новом прикупленном лесу. Я проехал через посадки в самую чащу, и мне стало удивительно легко и хорошо на душе. Все так показалось мне далеко-далеко, а ели и сосны так хороши, и тишина вокруг, и какая-то особая торжественность во всем этом покое. А рядом и сознание, что живешь для чего-нибудь и что польза, приносимая здесь, и проще, и действительнее»*²¹⁴.

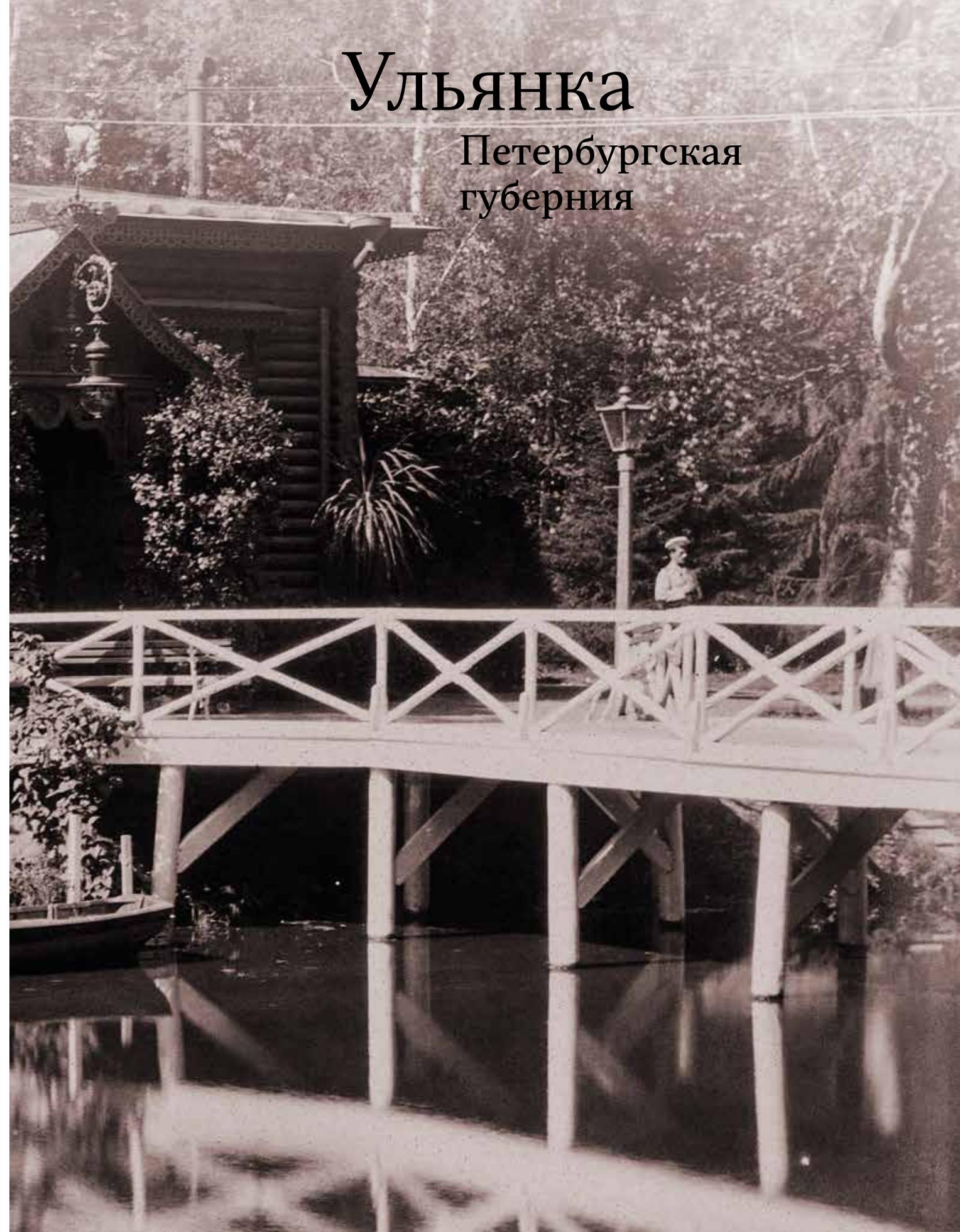
²¹⁰ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5046. Л. 116.

²¹¹ Сохранилась в коллекции Музея-усадьбы Останкино.

²¹² РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 1269. Л. 35.

²¹³ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 2999. Л. 103–104.

²¹⁴ Там же.

«Юлианка — финская деревня С.-Петербургской губернии, в Ораниенбаумском уезде, подле загородного дома, принадлежащего графу Панину. Тут есть и небольшая каменная Российская церковь. Жилой дом на даче есть деревянный, и состоит из трех зданий, в один ряд соединенных между собой колоннадами. Большой плодоносный и увеселительный сад с теплицами, оранжереєю, каналами, увеселительными домиками, беседками и проч. Словарь Щекатова»²¹⁵.

По замыслу Петра I, участки земли по обе стороны Петергофской дороги — из Петербурга в Петергоф — должны были быть розданы знати для освоения и застройки. Получившийся в результате ансамбль из дворцов, усадеб и парков должен был затмить красотой и роскошью дорогу из Парижа в Версаль. Ульянка — одна из таких построенных (правда, далеко не сразу) по приказу Петра I усадеб, много раз переходила из рук в руки, пока в 1806 году ее не приобрел у наследников Н. И. Панина граф Николай Петрович Шереметев, мечтавший уединиться в ней после смерти своей любимой жены Прасковьи Жемчуговой. К этому моменту усадьба представляла собой великолепный ансамбль с господским домом с террасой, регулярным и пейзажным садом, системой прудов, службами, оранжерейным комплексом на взморье и дорогой, идущей в сторону моря.

«Я прибыла в Петербург 25 июля 1795 года Петергофскою дорогою, которая дала мне выгодное понятие о городе, — пишет madame Vigée le Brun, чьи воспоминания приводит в своем очерке об Ульянке С. Д. Шереметев. — Эта дорога с двух сторон окаймлена прелестными дачами, окружена садами, изящнейшего вкуса в английском роде. Жители воспользовались местностью, которая очень болотиста, чтобы украсить эти сады, в которых находятся киоски и красивые мостики, каналы и протекающие ручейки. К несчастью, необыкновенная сырость по вечерам разочаровывает этот игривый вид; даже до захождения солнца по этой дороге подымается такой туман, что можно подумать, что вы окружены дымом почти черным». Дорога эта в то время была действительно самою оживленною. Ряд садов не сменялся до Петербурга, там, где теперь кабаки и огороды. Здесь, в своем Кирианове проживала княгиня Е. Р. Дашкова, а в «Шампетре»²¹⁶ прадед мой Петр Борисович; еще ближе к Петербургу жили Трубецкие, а в Нарышкинском «Га-га»²¹⁷ гремела музыка и давались роскошные праздники. В пятидесятых годах Нарышкинская дача уже была давно продана и принадлежала Тупорылову. Местность, где ныне дом умалишенных, была когда-то дачей князей Щербатовых; за нею дача Брюса, графа Воронцова, графа Головина, Петра Амплеевича Шепелева тянулись по направлению к Лигову. Не доезжая до последнего, еще в мое время уцелел так называемый Соломенный кабачок, совершенно заслоненный славою когда-то знаменитого Красного кабачка, столь знакомого молодежи двадцатых и тридцатых годов. <...> На одиннадцатой версте Петергофской дороги находится Ульянка»²¹⁸.

После смерти Николая Петровича Шереметева, последовавшей в январе 1809 года, усадьбу Ульянка наследовал его единственный сын граф Дмитрий Николаевич. В годы детства он проводил в Ульянке летние месяцы и потом любил ее всю жизнь. Обычно зимний сезон семья жила в Фонтанном доме, а лето — в Ульянке. «Дед мой, Николай Петрович, — продолжает С. Д. Шереметев, — искал себе в то время

²¹⁵ Шереметев С. Д. Ульянка. СПб., 1893. С. 1. (В своих воспоминаниях граф ссылается на словарь Щекатова, подробнее см.: Щекатов А. М., Максимович М. Л. Словарь географический Российского государства. М., 1807–1809.)

²¹⁶ Дача П. Б. Шереметева на Петергофской дороге, выстроенная в начале 1760-х годов. Каков был ее облик, достоверно неизвестно.

²¹⁷ Как объясняет С. Д. Шереметев, На-на — особого рода просеки во французских садах времен Ленотра.

²¹⁸ Шереметев С. Д. Ульянка. С. 3–6.

ГЛАВНЫЙ ДОМ В УСАДЬБЕ УЛЬЯНКА

1908

КАТ. 123

приюта после постигшего его горя в 1803 году и решил на эту покупку после смерти бабушки. Он не желал возвращаться в Москву, где все напоминало ему о счастливом прошлом. В Ульянке доживал он свои последние годы и здесь же, после его кончины, поселился мой отец и провел всю молодость и до последних лет жизни — когда не уезжал в Москву. Здесь и мне суждено было прожить долгие годы по возвращении из Москвы и после кончины моей матери. До 1863 года я не знал другой деревни, и здесь же со времен деда неизменно проживала Т. В. Шлыкова. Вот почему для меня с Ульянкой преимущественно сливается память о Татьяне Васильевне. Здесь же как-то особенно ясно вижу перед собою отца, который очень любил Ульянку и дорожил ею не менее Останкина²¹⁹. <...> Дом наш, перестроенный И. Корсини, не отличался изяществом. Бесконечно длинный, с мезонином и балконом для вида на залив. Бывало, в телескоп наблюдали мы в 1854 году за союзным флотом, который, однако же, не мог быть виден между Кронштадтом и Петербургом. Кажется, в этом же году появилась комета. Помню, как сосредоточенно подходила к окну моему Татьяна Васильевна и, глядя на нее, тревожно вопрошала будущее»²²⁰.

После смерти Д. Н. Шереметева усадьба Ульянка отошла его младшему сыну от второго брака с Александрой Григорьевной Мельниковой — Александру. Граф Александр Дмитриевич Шереметев (1859–1931) стал «душой» этой усадьбы. У А. Д. Шереметева было две страсти — музыка и пожарное дело. В Ульянке нашлось место и вдохновение и для того, и для другого.

²¹⁹ Там же. С. 6–7.

²²⁰ Там же. С. 21–22.

сандр Дмитриевич и по сей день считается «последним меценатом» этой церкви²⁶⁶: «...первым и главным жертвователем на сооружение храма явился высокий постоянный благотворитель церкви граф А. Д. Шереметев...»²⁶⁷

В 1894 году граф Александр Дмитриевич Шереметев со своей супругой Марией Федоровной выразили желание в левом приделе церкви устроить склеп для своего семейства, а над склепом построить придел во имя тезоименитых им святых — святого благоверного великого князя Александра Невского и святой равноапостольной Марии Магдалины. С разрешения епархиального начальства их просьба была уважена, и уже в 1895 году левый придел со склепом внизу был полностью готов. Работы проводились под наблюдением придворного архитектора А. А. Бруни. Облицовка склепа с лестницей и балюстрадой из белого мрамора была сделана известной скульптурной мастерской Бота, стены украшены орнаментами и живописью мастерской Г. Молилари, в окна поставлены цветные стекла работы магазина Эрленбаха. Также придел был снабжен всей необходимой утварью и полным облачением духовенства для двух перемен. 24 августа, в день храмового праздника святителя Петра, митрополита Киевского и всея Руси, новый придел со склепом был торжественно освящен в присутствии высшего духовенства и особо почитаемого протоиерея отца Иоанна Сергиева (Кронштадтского). «...Новоосвященный придел, тогда же получивший среди прихожан название Графского и Шереметевского, и ныне поддерживается теми же благотворителями в таком же благолепии»²⁶⁸. Граф и графиня так любили свою Улянку, что собирались остаться в ней навсегда...

Но судьба распорядилась иначе. После Февральской революции граф Александр Дмитриевич Шереметев с женой уехали на свою дачу в Финляндии, пригласив старшего брата с семьей присоединиться к ним. Граф Сергей Дмитриевич категорически отказался уезжать из России, причем, по его свидетельству, нервы у Александра Дмитриевича были в полном расстройстве. Там их застал Декрет о независимости Финляндии. На родину они больше не вернулись, оказавшись эмигрантами в катастрофическом материальном положении, так как капиталов за границей Шереметевы не имели. Тем не менее граф Александр Дмитриевич, со временем оказавшись в Париже, продолжил заниматься музыкой и даже устраивал благотворительные музыкальные концерты. Скончались А. Д. Шереметев и М. Ф. Шереметева в Русском доме в Сент-Женевьев-де-Буа — граф в 1931 году, графиня — в 1939-м. Похоронены были на знаменитом теперь «русском кладбище» под Парижем.

«Все это, мне кажется, было так недавно, так живы еще все впечатления, так ясны все подробности этой давно прошедшей жизни. И несмотря на грустный оттенок иных воспоминаний, на ощущение однообразия и относительного одиночества, все же помяну я добром нашу Улянку, с которой уже теперь расстался навсегда...»²⁶⁹

²⁶⁶ В 1963 году на месте, где стояла церковь с кладбищем, была проложена улица Лени Голикова. В 1991 году началось возрождение храма во имя святителя Петра Митрополита на пустыре, на месте, еще не застроенном жилыми домами.

²⁶⁷ https://spbvedomosti.ru/news/nasledie/tserkov_svyatogo_mitropolita_petra_na_ulyanke

²⁶⁸ https://spbvedomosti.ru/news/nasledie/tserkov_svyatogo_mitropolita_petra_na_ulyanke

²⁶⁹ С. Д. Шереметев. Улянка. С. 23.

Молодой Туд

Ржевский уезд Тверской губернии

Село Молодой Туд Ржевского уезда было пожаловано боярину Борису Петровичу Шереметеву в 1669 году по случаю его бракосочетания с дочерью стольника царя Алексея Михайловича Евдокией Алексеевной Чириковой. Именно с этих двухсот дворов в селе Молодой Туд он начал «собирать дом свой»²⁷⁰, который потом приумножил и передал своим потомкам. В это время ему было 17 лет. Именно Молодой Туд суждено было сыграть в жизни графов Шереметевых огромную роль, несмотря на то, что мало кто из Шереметевых здесь бывал. Прапраправнук фельдмаршала граф Сергей Дмитриевич Шереметев посетил это село в июле-августе 1898 года. «Приехавший из Ржева фотограф²⁷¹ составил целый альбом местных видов»²⁷², а сам граф, по своему обычаю, оставил к ним прекрасные комментарии, позволяющие пройти по улицам старого Молодого Туда, от дореволюционной застройки которого ничего не осталось, кроме этих фотографий.

«Прямо из сторожки Завидовского леса, с того места, где берут начало реки Береза и Лучеса, при впадении в последнюю реки Лучесенки направились мы напрямки в Молодой Туд. Всего с лишком верст шестьдесят. Выехав в 4 часа, мы ровно в 9 уже были на берегах Туда, где с крутого Васильевского берега любовались при вечернем освещении, как на высоком противоположном берегу широко раскинулось село Молодой Туд, церковь и колокольня которого резко отражались на чистом небе, — вспоминает о поездке в Молодой Туд С.Д. Шереметев²⁷³. — Пока коляску нашу переправляли через паром, мы пешком прошли строящимся мостом и извилистою тропинкою направились в село. У самой церкви мы поднялись к дороге, пересекающей Молодой Туд. Как раз насупротив ее стоит усадебный дом со службами, где и сосредоточено управление имением. Дом деревянный, одноэтажный, с двумя мезонинами и чистыми уютными комнатами: он построен в семидесятых годах. Особенно приятно было с дороги найти здесь покойное и тихое убежище.

Я крепко заснул, но на следующее утро меня разбудил ранний колокольный звон к заутрене. В 8 часов зазвонили к обедне, но в то же время раздались звуки церковных молитв, сопровождаемые каким-то странным и необычным плачем и выкрикиванием. Я выглянул в окно, откуда через дорогу видна была церковь, и увидел погребальное шествие, направляющееся вдоль ограды...»²⁷⁴

Церковь во имя Преображения Господня с приделами Покрова и Николая Чудотворца, если верить единственной сохранившейся церковной описи, относится к 1754 году²⁷⁵. По мнению графа Сергея Дмитриевича, она не представляла собой ничего особенного — только кресты на храме и на колокольне отличались резьбой. «Церковь каменная в 16 сажень длины; в ней два придела; сия церковь с благословения неизвестно которого Преосвященного тщицем графа Бориса Петровича Шереметева вся вдруг в 1754 году выстроена, под надзором какого строителя, неизвестно, — значится в упоминаемом документе. — Иконостас в церкви обновлен был в 1849 году усердием графа Шереметева с прибавлением церковных сумм»²⁷⁶. Сергей Дмитриевич сомневался в том, что каменная церковь была построена фельдмаршалом Шереметевым. А вот стоявшая здесь, по преданию, до этого деревянная — несомненно.

О посещении графом Борисом Петровичем имения Молодой Туд известно следующее, пишет Сергей Дмитриевич: «В доме хранится икона в серебряном

²⁷⁰ Краско А.В. Три века городской усадьбы Шереметевых... С. 14.

²⁷¹ Фотография Адольфа Германа в Ржеве.

²⁷² Шереметев С.Д. Село Молодой Туд. СПб., 1899. С. 26.

²⁷³ Там же. С. 3.

²⁷⁴ Там же. С. 4–5.

²⁷⁵ Там же. С. 4.

²⁷⁶ Там же. С. 5.

СЕЛО МОЛОДОЙ ТУД

1898

КАТ. 149

УСАДЕБНЫЙ ДОМ В МОЛОДОМ ТУДЕ

1898

КАТ. 150

МОЛОДОЙ ТУД

МОЛОДОЙ ТУД

отцовский хор, и на этих концертах Ломакин превзошел себя. <...> То было время появления новых дельцов, заменивших старый тип... Отцу же немисливо было отказаться от единственной отрады его жизни, и здесь он выдержал борьбу, хор уцелел до его кончины, и на погребальных службах пел он в последний раз в прежнем составе и пел так, как теперь уже не поют. <...> Не боюсь упрека в пристрастии, но при всем совершенстве некоторых современных хоров все же души той в них нет, нет и неподражаемых оттенков, — и это незабвенная заслуга Ломакина! Нет уже того, как бывало, когда стройное множество громких голосов постепенно замирало, и потрясающие созвучия захватывали дух. Лист плакал, слушая это пение, и назвал хор *orgue apit e*³⁰⁹. У кого тогда не билось сердце, и не пробежали мурашки ...Словами не передать этого чувства — но кто, любя музыку, хотя раз слышал это пение, тот не забудет его до конца!...»³¹⁰

Гавриил Якимович Ломакин

Вторая половина XIX века

кат. 170

* * *

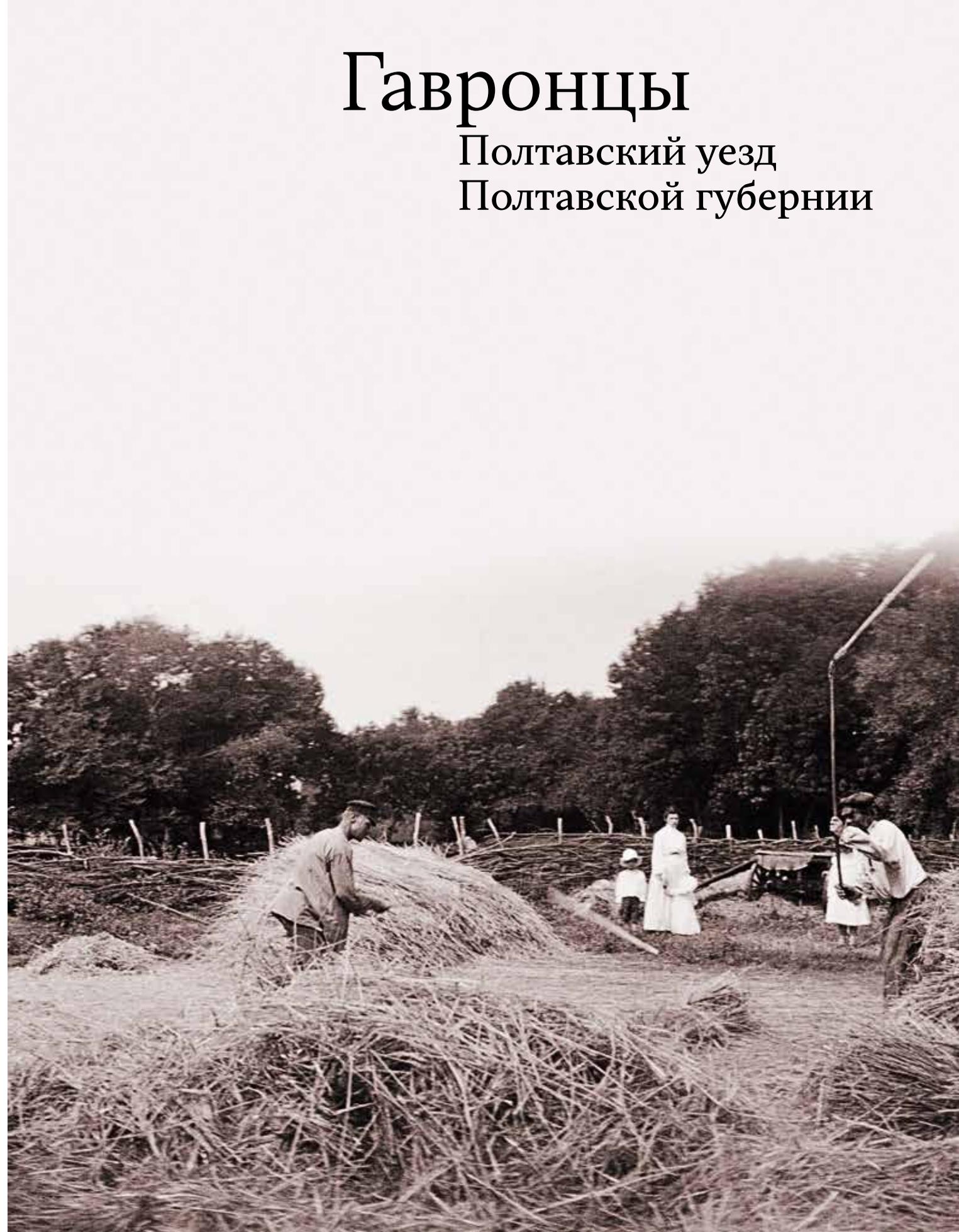
Пять представленных в альбоме фотографий Борисовского Тихвинского женского монастыря, прекрасного качества, выполнены первым фотографом в Борисовке — Григорием Васильевичем Сафонцевым. Все фотографии подписаны аккуратным каллиграфическим почерком черными чернилами. Можно предположить, что заказаны эти фотографии были Сергеем Дмитриевичем Шереметевым в 1902 году, когда он занимался открытием иконописной школы. Сергей Дмитриевич был в Борисовке и раньше — в 1873 году, о чем он писал в своих воспоминаниях, но в это время фотографии Сафонцева еще не существовало.

³⁰⁹ Живой орган (фр.).

³¹⁰ Мемуары графа С. Д. Шереметева. Т. 2. С. 315–316.

Гавронцы

Полтавский уезд
Полтавской губернии

УСАДЬБА ГАВРОНЦЫ. ДОМ СО СТОРОНЫ
ПОДЪЕЗДА
1904
КАТ. 171

«Перед вами слева тянутся возвышенности, а справа низменное течение Ворсклы. Вы едете местностью ровною, по чудным заливным пастбищам. Дорога, обсаженная ветлами, приводит вас прямо к деревне, неправильно раскинутой между гор и реки. Ряд белых хат и садов, прекрасное здание школы — все производит благоприятное впечатление довольства. Это Гавронцы».

Так писал в своем очерке о Гавронцах, изданном в 1902 году, граф Сергей Дмитриевич Шереметев. История приобретения Шереметевыми этого имения такова. Граф С. Д. Шереметев не приветствовал дробления дворянских земельных владений. Семья его старшего сына Дмитрия Сергеевича получала часть доходов от родовых имений и имела свой собственный бюджет, однако самостоятельное имение нужно было не только для получения доходов, но и для того, чтобы принимать участие в делах дворянского самоуправления. По закону для этого дворяне должны были обладать имущественным цензом — недвижимым имуществом определенного размера. В мае 1900 года граф Д. С. Шереметев купил 420 десятин земли в Полтавском уезде в селе Гавронцы и в 1901 году был внесен в V часть дворянской родословной книги Полтавской губернии³¹¹.

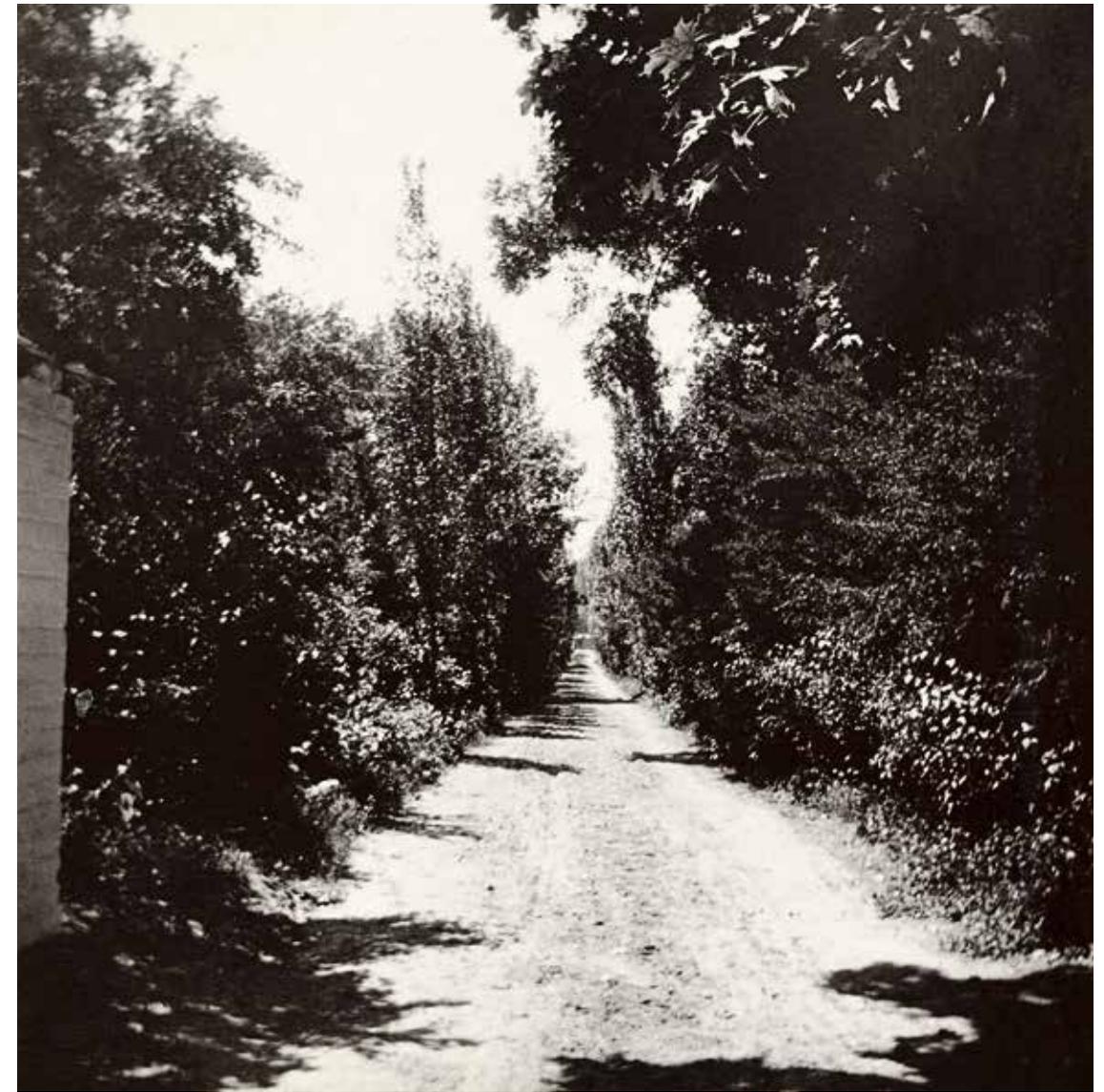
Что же за место такое — Гавронцы? Конечно, это село в Малороссии было выбрано не просто так. Здесь в полную силу раскрылся полководческий талант первого графа в роду Шереметевых — Бориса Петровича, фельдмаршала, назначенного Петром I главнокомандующим в генеральном сражении со шведами под Полтавой, которое он блестяще выиграл, покрыв себя вечной славой. Читаем очерк Сергея Дмитриевича Шереметева дальше: «Если выехать из Полтавы по Зиньковской дороге, то весьма скоро перед вами покажутся поля, по правую сторону которых возвышается крест на высокой гранитной глыбе: это памятник Полтавского боя, а поле — место битвы 27 июня 1709 года. Еще немного, и вам показывают иссеченные овраги, среди которых возвышается курган. Это “побиванька”, говорят вам — место шведских могил; здесь в настоящее время шведы собираются поставить памятник с изображением шведского льва. Случайно поделился я этим известием с одной древней старушкой, продающей образки у памятника: “А зачем нам лев? — говорит она. — Нам не нужно льва!” Церковь у памятника в большом порядке. Здесь же поблизости и летнее жилище архиерея. На памятнике

³¹¹ Краско А. В. Три века городской усадьбы Шереметевых... С. 351.

ДОМ СО СТОРОНЫ САДА
КАТ. 172

УСАДЬБА ГАВРОНЦЫ
1904
КАТ. 173

НА РЕКЕ ВОРСКЛЕ

1904

КАТ. 174

ДЕТИ У РЕКИ ВОРСКЛЫ

1904

КАТ. 175

В ФАЗАННИКЕ

1904

КАТ. 176

СЕРГЕЙ ШЕРЕМЕТЕВ В ФАЗАННИКЕ

1904

КАТ. 177

«*Предания о Полтавском бое еще живы...*» — пишет граф С. Д. Шереметев в очерке. Вот как записан в 1901 году графом Петром Сергеевичем Шереметевым в Баланде Саратовской губернии³²³ от фургонщиков Федора и Кондратия и старика из Баланды рассказ о событиях войны со шведами в 1709 году:

*...Дошел король до Полтавы — становился,
С своими вин полками ополчился.
Не ясен сокол по пид небесами летает,
А то шведский король все по армии развезжает,
Свою армию все драгунушек пробуждает:
Вы не плачьте моя конница, драгуны,
Не летайте мои думчие кавалеры;
Мы возьмем город Полтаву,
Пойдем во Москву,
У меня силушки 20 тысяч.*

*А говорит граф Борис граф Шереметев:
А не взять тебе дураку города Полтавы,
Не видать тебе московского славного царства...³²⁴*

Рассказ о Гавронцах хочется закончить словами графа Сергея Дмитриевича Шереметева: *«Мирно и спокойно теперь вокруг Гавронцев; стихли давно победные крики Полтавы, замерли преданья Запорожья, замолкли бандуристы и миновались поколения... По-прежнему тихо струится Ворскла, орошая заливные луга. Живется здесь привольно и спокойно, но прошлого не забыть; все перед вами его славные тени, вся былина великой северной войны, и слышится гром победы, а из мрака веков выступает Петр...»³²⁵*

Заключение

Графы Шереметевы, расширяя и благоустривая свои усадьбы, собирая в них коллекции, архивы и библиотеки, надеялись, что эти образцовые хозяйства и хранилища семейной памяти будут приносить пользу России.

Однако желанию не суждено было сбыться — после Октябрьской революции усадебный мир был разрушен. Послереволюционная судьба большинства шереметевских усадеб печальна. Лишь три из них стали музеями. В 1919 году были открыты для публики Кусково, Останкино и Остафьево, однако музей в Остафьево просуществовал недолго и возобновил свою деятельность лишь десятилетия спустя — в декабре 1988 года.

Сейчас это:

— Государственное бюджетное учреждение культуры города Москвы «Музей-усадьба Останкино»;

— Государственное бюджетное учреждение культуры города Москвы «Музей-усадьба Кусково».

Оба эти музея отмечают в 2019 году свое музейное столетие;

— Государственный музей-усадьба «Остафьево — Русский Парнас».

Открытый после революции в усадьбе Михайловское музей просуществовал до 1923 года, после чего в усадьбе разместился дом отдыха политкаторжан. В настоящий момент в усадьбе располагается санаторий. Еще в 1990–е годы были относительно целы интерьер и изразцовые печи. Сейчас их нет. Окна забиты. Главный усадебный дом и другие шереметевские постройки не используются и уверенно разрушаются.

В усадьбе Ульянка после революции часть построек была разрушена. Но в целом она сохранилась, и в ней была образована колония для школьников. Окончательно Ульянка была уничтожена в годы Великой Отечественной войны. Позже на месте усадьбы было возведено здание школы. Сейчас это филиал Дворца детского и юношеского творчества. От Шереметевых в Ульянке не осталось ничего.

В селе Молодой Туд и поселке городского типа Борисовка от шереметевских построек также ничего не осталось. Что-то было уничтожено после революции, остальное погибло в годы Великой Отечественной войны. Но сохранилась память, работают краеведческие музеи и общественность пытается сохранить свою историю.

В Гавронцах не осталось и памяти о Шереметевых. Ни на одном сайте о Гавронцах Шереметевы не упоминаются.

³²³ Баланда Аткарского уезда Саратовской губернии — еще одно имение графов Шереметевых.

³²⁴ Шереметев С. Д. Гавронцы. С. 28–29.

³²⁵ Там же. С. 30–31.

Ателье «Фотография Г. Сафонцева в Борисовке Курской губернии».

«Фотография А. Герман в Ржеве».

Ателье «Шерер, Набголец и К° в Москве».

В конце 1960 года Мартин Шерер (?–1883) и Георгий Набголец (?–1883) приобрели фотографическую фирму Карла Августа Бергнера (1875–1947) с условием сохранения имени прежнего владельца в названии, так как фирма к этому времени уже была очень известна в России. Так появилась одна из самых известных и оставивших огромное наследие фотографических фирм. Ателье «Шерер, Набголец, бывшая Бергнера» пользовалась безукоризненной репутацией, имела медали фотографических выставок и право изображать на своих изделиях российский герб (за выполнение государственных заказов). В конце 1867 года М. Шерер и Г. Набголец сдали фирму в аренду Альберту Ивановичу Мею (1842–1913). Название сохранили, добавив только знак «К°». Фирма также выполняла заказы императорского двора, являясь «фотографом Его Императорского Величества». Последний раз фирма упоминается в 1918 году, дальнейшая ее судьба неизвестна.

Ателье Bergamasco photographe.

Товарищество Р. Голике и А. Вильборг.

В 1902 году произошло объединение типографии и литографии Романа Романовича Голике (1849–1919?) с цинкографией и хромофотографией Артура Ивановича Вильборга (1856–?). В том же году Николай II подписал Устав товарищества, тем самым утвердив «Товарищество на паях». Таким образом Р. Р. Голике и А. И. Вильборг сразу получили звание «поставщиков Двора Его Императорского Величества». Основными заказчиками издательства были Община Святой Евгении, Комитет популяризации художественных изданий, Кружок любителей русских изящных изданий. Фирме удалось привлечь к работе художников объединения «Мир искусства», что позволило издавать книги высочайшего уровня. Полиграфическая продукция «Товарищества Р. Голике и А. Вильборг» неоднократно удостоивалась высших наград на отечественных и зарубежных выставках. На базе «Товарищества» были изданы такие иллюстрированные журналы, как «Мир искусства» (1904), «Аполлон» (1913–1917), «Сатирикон» (1908–1911), «Жупел» (1905–1906). В их оформлении в разное время принимали участие лучшие русские художники-графики: А. Н. Бенуа, Е. Е. Лансере, В. А. Серов, И. Я. Билибин, М. В. Добужинский и др. Товарищество процветало вплоть до 1917 года. В 1918 году, после Октябрьской революции, Вильборг и Голике эмигрировали в Германию, а их «Товарищество» было национализировано.

УДК 94(47):911.374.1:912.412

ББК 63.3(2)л6

У89

Уханова Е. В., Еремина О. И.

У89 Образ усадьбы в фотографиях и воспоминаниях графов Шереметевых. В собрании музея-усадьбы Останкино / авт.-сост. Е. В. Уханова, О. И. Еремина. — М.: Кучково поле Музеон, 2020. — 248 с.: ил.

ISBN 978-5-6041282-8-2

Книга посвящена истории усадеб, некогда принадлежавших семье Шереметевых. Почти все они располагались в Москве и Подмосковье: Останкино, Кусково, Михайловское, Остафьево, Ульянка, Молодой Туд, Борисовка и Гавронцы — и имели свое неповторимое лицо.

В мемуарах графа Сергея Дмитриевича Шереметева им уделено особое внимание. Эти воспоминания, дополненные семейными фотографиями графов Шереметевых, создают неповторимую и многогранную картину давно ушедшей жизни, в которой Шереметевы были покровителями искусств и меценатами, а также новаторами во многих сферах — от пожарного дела до строительства первых подводных лодок.

В книге использованы фотографии и другие материалы Московского музея-усадьбы Останкино.

Издание адресовано широкому кругу читателей.

Издательская программа фонда «Связь Эпох»

Научный редактор *Варвара Ракина*
Ведущий редактор *Екатерина Щепалова*
Художественное оформление *Анна Сушкова*
Верстка *Анастасия Седяева*
Цветокоррекция *Павел Ермаков*
Подготовка к печати *Марина Рогова*
Корректор *Нина Болотина*

ISBN 978-5-6041282-8-2

© Государственное бюджетное учреждение культуры города Москвы «Московский музей-усадьба Останкино», ил., 2020
© Уханова Е. В., Еремина О. И., тексты, сост., 2020
© ООО «Кучково поле Музеон», дизайн-макет, издание, 2020